

**Животный мир Южного Урала
в местных исторических источниках XIX–XX вв.**

В XIX в. развитие российского общества привело к появлению в провинции периодической печати, а также сети типографий, где начала издаваться разнообразная книжная продукция. Эти источники, обычно используемые в исторических исследованиях, в тоже время содержат существенную информацию и о природе, животном мире Южного Урала. В Уфе, гражданской «столице» обширной Оренбургской губернии (военной являлся Оренбург) в 1838 г. было организовано издание первой казённой газеты края – «Оренбургских губернских ведомостей» (ОГВ). Сначала здесь публиковались только правительственные указы, распоряжения местных властей, объявления и пр. Но в 1843 г. в газете появляется дополнительный раздел – «часть не официальная», где размещалась уже «обычная» информация, рассчитанная на массового читателя¹. В программе неофициальной части сразу извещалось, что в газете будут печататься известия «о замечательных в Губернии чрезвычайных явлениях по всем Царствам природы»². И уже в номере ОГВ за 15 мая 1843 г. выходит статья «О багрении рыбы в Уральске».

В 1845 г. редактором неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей» становится уфимский педагог И.П. Софенов, много путешествовавший по Южному Уралу, интересовавшийся различными сторонами жизни, при котором газета достигла небывалого подъёма. С июля 1845 г. в ОГВ стали регулярно появляться метеорологические наблюдения, печатаются статьи о различных объектах природы, среди которых находим свидетельства и о животном мире края. Например, в большой статье «Река Белая» анонимный автор, вполне вероятно, сам редактор, отмечал, что «река Белая обильна рыбою всякого рода; замечательная в ней и более ей свойственная с притоками *хареуза* и *кутема*; в большом количестве ловится и белая со стерлядь; нередко попадает осётр и лох»³.

В 1847 г. среди постоянных авторов «Оренбургских губернских ведомостей» появляется землемер Лосиевский (к концу XIX

---

¹ Об истории газеты см.: Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009 (полный текст книжки имеется на сайте «Роднов и его друзья»).

² Оренбургские губернские ведомости. 1843. 3 апреля. Здесь и далее только часть неофициальная.

³ Там же. 1846. 17 августа.

в. фамилию стали писать как Лоссиевский). Владимир Степанович Лосиевский (1808–1891) был родом из Черниговской губернии. С 1830-х гг. служил и проживал в Уфе, исходил весь Оренбургский край, знаток природы Южного Урала, собирал ценные гербарии, занимался метеорологией¹, автор многочисленных публикаций. А первой его в ОГВ стала большая статья «Прибельская пещера» (15 марта 1847 г.). В 8 верстах от деревни Максютово «при реке Белой, в ущелье Уральских гор, находится чудная и ужасная для взоров пещера». Он спускался в пещеру в июне 1845 г., в статье даётся подробное её описание и Лосиевский восхищённо замечает: «слабо перо моё очертить в должном виде эту любопытную местность». Затем выходит его работа «Шунгутское голубое озеро (Близ Сергиевских минеральных вод)», он высказывает дерзкий проект в статье «Описание судоходной реки Белой, с обозначением возможности соединить её с рекою Уралом», публикует «Топографическое описание реки Самары» и т. д. В.С. Лосиевским было положено начало комплексному экологическому, в современном понимании, исследованию конкретных природных объектов Южного Урала и Предуралья с целью просвещения широких масс и формирования бережного отношения к ресурсам. Именно с середины XIX в. уровень хозяйственного воздействия человека стал приобретать опасные, разрушительные масштабы для окружающей среды.

Описания природы и животного мира края всё чаще встречаются на газетных страницах. В большой работе «Обзор современного состояния Оренбургской губернии в статистическом и географическом отношении» рассказывается о горах, водах, климате, упоминается и «царство животное. В густых и частью ещё обширных лесах Оренбургской губернии водится много разного рода зверей. Из диких – медведи, волки (простые), барсуки, горностаи, олени, сайги (дикие козы), норки, выдры и зайцы... В реках и озёрах водится рыба: осетры, севрюги, белуга, стерлядь, судаки, сазаны, красная рыба, лещи, хариузы, окуни, щуки, налимы, ерши, караси и плотва»².

Подписчики «Оренбургских губернских ведомостей» стабильно получали разнообразную информацию о природе края. Так, М. Попов сообщал, что «в городе Бирске в течении нынешней осени замечены были два северных сияния: 12 сентября и 10 ноября. Первое представлялось в виде двух огромных кону-

---

¹ Уфимские губернские ведомости. 1891. 8 июня; Рахимкулов М.Г. Лосиевский Владимир Степанович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 4. Л – О. Уфа, 2008. С. 60.

² Оренбургские губернские ведомости. 1847. 12 июля.

сов, вершины которых доходили почти до зенита»¹. В газете появляется жанр туристических очерков. К. Ивлентьев представил статью «Прогулка на Таганай (Отрывок из поездки в Златоуст)»². Природа края освещается в художественных произведениях. Уфимец В. Зефирова рассказывает об охоте башкир на медведя в заметке с характерным заголовком «Урок охотникам. Истинное происшествие в Башкирии. (Черта к Естественной Истории)»³. Проживавший в Троицке чиновник М. Житков выпускает цикл работ о киргиз-кайсаках, как тогда именовали казахов («Поездки в киргизскую степь»), где также оставляет яркие зарисовки природы. «Кроме тварей, наполняющих воздух и воду, степь Киргизская тяготеет под копытами несметных табунов куланов и стад сайгаков»⁴ и подробно рассказывает о способах охоты на них. А в июле 1849 г. через Бузулук проследовал слон. Подарок бухарского эмира русскому императору своим ходом двигался в Петербург⁵.

В XIX в. в Башкирии обычным явлением оставались верблюды. В статистическом очерке за 1848 г. отмечалось, что всего в Оренбургской губернии их насчитывается 389 голов. «Белебеевский уезд, имея солончаки в верховьях Дёмы, на которых пасутся верблюды, содержит в себе более 2-х третей всего их числа. Здесь надобно прибавить, что верблюды составляют принадлежность одних Башкирцев»⁶. Другой автор, Ив. Казанцев, добавлял, что «у живущих по рекам: Сакмаре, Дёме, Белой, Исетю и проч., водятся верблюды; они породы такой же как и у Киргиз-Кайсаков: шерсти жёлто-бурой, гороховой и белой, двух горбые и изредка одногорбые⁷; последние предпочитают первым по силе, крепости и ценятся дороже»⁸. Читатели «Оренбургских губернских ведомостей» знакомились и с более экзотическими животными. Рассказывая об очередных поездках в киргизскую степь, М. Житков сообщал: «Густые, непроходимые камыши, в местах малонаселённых наполнены кабанами, а по берегам реки Сыр-Дарьи скрываются и тигры, неуступающие величиною, силою и кровожадностью Бенгальским»⁹.

---

¹ Там же. 29 ноября.

² Там же. 1848. 18 декабря.

³ Там же. 1849. 12 февраля.

⁴ Там же. 26 марта.

⁵ Там же. 16 июля.

⁶ Там же. 20 августа.

⁷ Одногорбые верблюды (домашние) водились в области Уральского казачьего войска и в начале XX в. (Обзор Уральской области за 1913 год. Б. м. и г. С. 45).

⁸ Оренбургские губернские ведомости. 1850. 20 мая.

⁹ Там же. 8 апреля.

Особое внимание редактор издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфенов уделял материалу о жизни своего города. И в очаровательных путевых очерках «Поездка в Миловку» (пригородная деревня) встречаем любопытное свидетельство о рыболовстве. «Прямо за Нижегородскою слободою [район Уфы – М.Р.] медленно к дубникам подвигался рогатый, тяглый скот пощипывающий свой подножный корм, небогатый от значительной сухости; несколько правее его тянулся на пески невод Дуванейских рыбаей, жаждущих утренней добычи. Конёк их лова белая рыба, которая вкусом своим превосходит всех своих сестёр, обитающих в других водах, особливо в весеннее время. Если в одну тоню попадёт от 4-х до 5 рыб, то довольство ловцов бывает самое восторженное; тут они верно уже рассчитывают на 4 или 5 целковых»¹.

В начале 1850-х гг. в ОГВ постоянно публикуются разнообразные материалы о природе Южного Урала. В художественных очерках В. Зефирова встречаем поединок огромного сома с медведем на реке Белой и «тысячи диких голубей», гнездившихся в скалах в окрестностях Уфы². А в перепечатанных заметках из «уфимской летописи» сообщалось, что 12 октября 1807 г. «в Белой реке, не подалёку от города, поймана была белуга в 27 пуд.»³ пуд.»³ Сам же редактор И.П. Сосфенов информировал о ценах в Уфе: «пара свежих рябчиков от 12 до 15 к., пара свежих тетеревов, а нередко живых 20 к. ... лучших стерлядей фунт от 15 до 20 к., белая рыба, только что пойманная, икраяная, весом с 25 до 30 ф. от 1 р. 20 к.»⁴

Уфимская газета в 1851 г. перепечатала из вестника географического общества отчёт о путешествии П.И. Небольсина⁵ по Южному Уралу. «В половине Мая – говорит путешественник – я въехал в Оренбургский край, в котором в одном углу виноград растёт, а в другом огурцы не успевают... в одном ловят белок и сражаются с медведем, в другом охотятся на тигров и на диких кабанов». Поднимаясь на судне, которые тянули бурлаки вверх по Белой, П.И. Небольсин стал свидетелем следующего обычая. «Весенняя вода, понимая собою все низменности, сгоняет к берегу, на возвышенные точки, безчисленные стада зайцев. Бур-

---

¹ Там же. 8 июля. Дуваней – русские деревни ниже по течению Белой.

² Там же. 1851. 24 февраля, 22 сентября.

³ Там же. 17 мая.

⁴ Там же. 1852. 18 октября.

⁵ Небольсин Павел Иванович (1817–1893), историк, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. По поручению географического общества объездил Восточную и Западную Сибирь, оренбургские степи (в 1850–1851 гг.), западный край.

лаки заряжают пушку и, не жалея пороха, жарят из неё по зайцам: запасы эти обеспечивают продовольствие лямошников в продолжение нескольких дней»¹.

В ОГВ и далее выходят материалы о природе края – «Поздний пролёт казарок»² через Оренбург и др. В начале 1853 г. новый гражданский губернатор Я.В. Ханьков, действительный член ИРГО (Императорского Русского географического общества) публикует свои обширные «Географические очерки Оренбургского края», а уфимский педагог В.В. Завьялов издаёт первый библиографический указатель литературы «Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии»³, где указаны издания и по естественной истории. Именно В.В. Завьялов в 1854 г. становится редактором «Оренбургских губернских ведомостей» (до 1858 г., с перерывом), он продолжает регулярно помещать материалы по географии края, среди которых попадаются интересные заметки о фауне.

В 1855 г. сообщалось из Гурьева не только о тюленьем промысле на Каспии. «Хива дарит нас своими произведениями по мере сил своих, – чем богата, тем и рада. На этой неделе прислан пребывающему у нас естествоиспытателю, члену Императорского Московского Общества испытателей природы Г.С. Карелину⁴, Тигр столь огромной величины, что едва-ли какой-нибудь кабинет редкостей у нас может похвалиться таким редким экземпляром. Тигр этот доставлен не простой шкурой, но с зубами и когтями, он длиною 2 сажени (не считая хвоста)⁵ и в полной красе; убит он в устьях Аму Дарьи и, как по знакам видно, после отчаянного боя. Сверх того Г-ну Карелину присланы ещё две шкуры: одна тигровая же, а другая особенно больших размеров барса, с гривой⁶. Г-на Карелина уведомляют из Хивы, что там заготовлено ещё несколько экземпляров разных больших зверей, о вы-

---

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 15 ноября.

² Там же. 29 ноября.

³ Там же. 1853. 3 января.

⁴ Карелин Григорий Сильч (1801–1872) – естествоиспытатель и путешественник XIX в., умер в Гурьеве.

⁵ В газете ошиблись и через несколько номеров опубликовали поправку: «О тигре, присланном из Хивы Г. Карелину, сказано что он длиною 2 сажени, тогда как следует читать длиною до сажени» (Оренбургские губернские ведомости. 1855. 23 июля).

⁶ Видимо, гепард. «*Felis jubata*. Гривистый барс, по туркменски *Пулам*; весьма редок в Мангишлакских горах» (Путешествие Г.С. Карелина по Каспийскому морю // Записки императорского русского географического общества. По общей географии. Т. 10 / под ред. М.Н. Богданова. СПб., 1883. С. 117).

сылке которых Григорий Семёнович [надо Сильч, опечатка – М.Р.] сделал то-же распоряжение. Он проживает в пределах Уральского войска с 1853 года и исследует все естественные произведения здешнего края. Коллекции его по всем предметам чрезвычайно богаты»¹. Начало завоевания Средней Азии и выход российских военных укреплений в Приаралье сразу привело к «конфликтам» с обитавшими там тиграми, что отразилось на газетных страницах. В 1860 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» выходит статья «Случаи тигровой охоты», фрагмент из которой приводится.

«В Оренбургской Киргизской степи, в камышах около Сыр-Дарьи не редко появляются тигры, забегающие сюда из глубины Средней Азии. Сыр-Дарьинским поселенцам нашим нередко приходится волею-неволею сражаться с этим зверем, чтоб избавиться от его дерзости и кровожадности. Из форта Перовского сообщают нам о следующих двух случаях тигровой охоты, производившейся нынешней весной. По появлении близ Бирюбаевского поста тигра, истреблявшего порционный скот, Унтер-офицер Оренбургского Линейного № 5 баталиона Семёнов, рядовые 4 баталиона Прокофий Назаров и Андрей Черняев и казак Уральского войска Михаил Хандохин отправились на тигра и поставили по известному способу ружья.

В ночь на 16-е Марта тигр хотя был ранен, но ушёл с того места, где были поставлены ружья. На другой день Назаров, Черняев и Хандохин розыскали его в камыше, выгнали на открытое место и тремя выстрелами из ружей, окончательно убили зверя.

Унтер-офицер Семёнов, известясь о появившемся близ Куббасского поста тигре, истреблявшем киргизский скот, 22-го Марта с рядовыми 4 баталиона Панкратьевым, Сахаровым и Шелковниковым, отправились туда и установили в камыше ружья; ночью тигр был легко ранен и ушёл. С рассветом охотники пошли розыскивать зверя, который, таясь в камышах, внезапно бросился на Семёнова, сильно изранил ему левую руку и опять ушёл в камыши. Между тем остальные охотники рядовые Панкратьев, Сахаров и Шелковников, пригласив с Куббасского поста ещё 8 человек Уральских казаков, продолжали преследовать тигра и встретив его в камышах, сделали залп из нескольких ружей; тигр бросился на охотников и хотя ещё был встречен двумя выстрелами, но продолжал идти прямо на рядового Панкратьева и казака Харькина, которые недопустив его до себя сажени на две, одновременно выстрелили, и один из них, неиз-

---

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1855. 7 мая.

вестно который, попал ему в голову ниже правого глаза, от чего зверь упал и был заколот пиками»¹.

Читатели ОГВ встречали информацию о самых разных представителях животного мира. В Уфе продавался «очень хороший Попугай» за просто огромную по тем временам сумму в 50 руб. серебром. «Подарок для прекрасного пола»². Летом 1857 г. с циклом статей на страницах «ведомостей» выступил М.А. Кузнецов. В его работе «Заметки об охоте» встречаем уже более подробные характеристики местной фауны: «Медведь, двух пород: стервятник (*Ursus Arctos*) и Муравейник (*Ursus Longirostris*). Первый водится преимущественно в зауральской полосе и эта порода более наносит вреда хозяйству, чем вторая, за то и ценность его гораздо значительнее и охота за ним может войти в разряд промышленной деятельности. Нередко встречаются медведи этой породы весом от 20 до 30 пудов». Упоминает М.А. Кузнецов росомаху: «есть примеры, что её ловили под широтою Уфы и Стерлитамака», рысь, прочих обитателей, среди коих есть и «антилопа (*Antilope*). Настоящее её отечество Южная и Средняя Часть Киргизских Степей на Восток от Каспийского моря, где встречается бесчисленными табунами. Антилоп две породы, одна из них, именно Сайгак (*A. Saiga*), во время Лета, отыскивая лучший корм, приближается большими стадами к Уралу, на пограничной линии, между Оренбургом и Уральском. Пребывание её временное, к осени она опять удаляется в Южную Часть Киргизской Степи. Охота за нею не так легка, как за подобными ей зверями: одарённая не обыкновенною быстротою, в короткое время пробегает огромное расстояние и в одно мгновение исчезает в глазах охотника. Удобно их убивать только тогда, когда они переплывают стадами чрез Урал»³.

Возглавивший в 1858 г. «Оренбургские губернские ведомости» новый редактор, уфимский педагог П.Н. Чоголков работал уже в обстановке Великих реформ императора Александра II (отмена крепостного права и пр.), когда всё внимание общественности было приковано к животрепещущим проблемам современности. Публикация материалов о природе края тоже подчиняется актуальным сюжетам: «Очерк лесопромышленности Уфимского уезда», поиски каменного угля, состояние золотодобывающей промышленности, бой тюленей в морских угодьях

---

¹ Там же. 1860. 4 июня. На тигра сначала ставили (в ночь) самострел, а лишь потом охотились. Порционный скот предназначался для пропитания гарнизонов.

² Там же. 1855. 12 ноября.

³ Там же. 1857. 13, 20 июля.

уральских казаков¹. В 1865 г. прежняя Оренбургская губерния разделилась и во вновь возникшей Уфимской губернии ОГВ переименовали в «Уфимские губернские ведомости» (УГВ). В том же году П.Н. Чоглокова сменил на посту редактора врач и статистик Н.А. Гурвич, который возглавлял неофициальную часть УГВ целых 32 года, до 1897 г. Он в ещё большей степени сделал акцент на освещение в газете актуальных проблем социально-экономического развития, полностью исключив художественную литературу и резко сократив публикацию природоведческого материала. Заметки типа статьи доктора И.С. Билярского «О зимней поездке от Уфы до Верхнеуральска по реке Инзерю»² становятся редкими. А среди читабельного, «интересненького» материала, который должен завлекать обывателя, преобладали исторические, этнографические, статистические публикации. Любителю природы, животного мира, охоты и рыбалки газета становится мало привлекательной.

Сам Н.А. Гурвич изучал климат города Уфы, много писал о состоянии лесов, охране истреблявшихся зелёных массивов, но в целом господствовал утилитарный подход к природе, как лишь к важному условию хозяйствования. Статистический комитет в 1878 г. обсуждал проблему убытков от волков³, а в начале 1880-х гг. вспомнили о верблюдах, само существование которых в Башкирии уже прочно забыто⁴. Хотя «в прежнее время у башкир стерлитамакского и белебеевского и отчасти уфимского уездов (на р. Дёме) употреблялись в сельские работы, преимущественно в извоз, верблюды; но в последнее время этот род скота совсем переводится в губернии. – Это совпадает именно с развитием у башкир пашни, для которой верблюды не годятся»⁵. Белебеевский уезд был почти единственным местом в Уфимской губернии, где «сохранилась ещё горсть верблюдов – остаток прежних табунов этого чрезвычайно полезного при соответствующих экономических условиях, животного. – Верблюд может водиться только там, где приволье, а служба его только вьючная и гужевая... Ещё совсем недавно долина Дёмы была по указанным условиям соответствующею страной верблюдов, которые на всё лето обыкновенно отпускались хозяевами целыми косяками на волю без призора, по раздольной степи и по берегам находящихся здесь огромных озёр Кандрикуль и Ассаликуль. В по-

---

¹ См.: Там же. 1859. 24 января, 7 марта, 1861. 9 декабря.

² Уфимские губернские ведомости. 1866. 26 февраля.

³ Там же. 1878. 21 января.

⁴ О верблюдоводстве см.: *Добросмыслов А.С.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1881. 26 декабря.

следние годы условия стали изменяться и верблюды начали изводиться. Верблюды водились ещё в половине прошлого десятилетия в придёмской части уфимского уезда, а в белебеевском – с цифры 500 доходят до 220». Автор пророчески замечал, что южноуральский верблюд скоро из фауны перейдёт в археологию¹. Но верблюжья тема не сразу исчезла из внимания. Этот же материал был перепечатан в центральной прессе². В 1894 г. корреспондент из села Топорнино (ныне Кушнареново), крупнейшей хлебной пристани на Белой, вспоминал, что «бывало за полтораста и, даже, за двести вёрст, чуть не со всего Белебеевского уезда, везли сюда хлеб и на лошадях и на верблюдах»³. А в статистическом отчёте за 1895 г. отмечалось исчезновение верблюдов, которых осталось 150 штук в Белебеевском уезде и восемь в Стерлитамакском⁴.

В условиях рыночного (капиталистического) общества, жёсткой конкуренции среди периодических изданий «Уфимские губернские ведомости» под редакторством Н.А. Гурвича крайне редко размещали материалы о дикой природе, как, впрочем, и в современной прессе они встречаются в виде исключения. Массовая публика не очень интересуется жизнью барсуков и выхухолей, тем более, что именно во второй половине XIX в. в России возникают специализированные журналы для любителей природы, охоты и рыбалки, научного изучения животного мира. Кстати, Н.А. Гурвич рекламировал в своей газете не коммерческие, а научно-просветительские журналы, в том числе «Научное обозрение», «Природа и люди», др.⁵ А на страницах УГВ появлялись статья М. Колесникова «Как охотятся в Уфимской губ. на тетеревов на токах»⁶, сенсационная заметка, что переселенец из Полтавской губернии купил 50 дес. степи под хутор и посадил неслыханные здесь «поммедоры (Pomme d'amour)»⁷. Следы дикой фауны лишь мелькали в заметках о светских банкетах. На обеде в честь нового уфимского губернатора Н.М. Богдановича подавали привезённых из Самары стерлядей, осетров (возможно своих), куропаток и рябчиков⁸. И в дальнейшем, в начале XX в. материалы о дикой природе Южного Урала встречались на страницах уфимской прессы, где появились и частные газеты,

---

¹ Там же. 1882. 2 января.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1883. 2 (14) апреля.

³ Уфимские губернские ведомости. 1894. 1 сентября.

⁴ Там же. 1895. 22 августа.

⁵ Там же. 21 декабря.

⁶ Там же. 1887. 11 апреля.

⁷ Там же. 1896. 11 мая.

⁸ Там же. 1897. 23 апреля.

как редчайшее исключение.

Поверхностный просмотр челябинский прессы также обнаружил ряд небольших заметок о животном мире. Некий В. Г-ов (В.А. Горохов?, он принимал активное участие в борьбе с голодом 1911 г. в Челябинском уезде) публикует в 1912 г. путевые наброски «У башкир», где приведены легенды о прежнем состоянии природы края (окрестности Челябинска). «Во всех местах, где теперь живут башкиры, были некогда дремучие, непроходимые леса. За каких-нибудь сто лет от этих лесов не осталось ни одного порядочного деревца. Только разве в памяти старых людей сохранилось представление о существовании больших тенистых лесов, исчезнувших точно "сквозь землю".

Впрочем, об этих лесах говорят ещё предания.

В "Агач-Куле" все башкиры от старого до малого верят в рассказы о том, что на том месте, где теперь красуется большое с зеркальной поверхностью озеро, был некогда дремучий лес. Но пришло время и лес этот с шумом стал падать на землю, а на его месте начала просачиваться вода. Говорят даже, что когда лес рушился, – слышен был подземный гул.

Были даже свидетели – башкиры, останавливавшиеся на ночёвку. Им пришлось спасаться бегством. И вот с тех пор в "Агач-Куле" стоит обширное озеро, а не лес. При чём, башкиры и до сих пор извлекают из озера огромной толщины деревья, из которых строят потом крепкие дома.

Самое название "Агач-Куль" обозначает "дерево" и "воду", точно такое-же предание существует и о других озёрах – таково озеро: "Карагай-куль" – что значит "сосна" и "вода". Этих озёр по всей окрестности так много, что они попадаются почти у каждого селения.

Благодаря обилию озёр, климат здесь в летнее время гораздо мягче и влажнее, чем например, в соседних башкирских волостях. Но за то местность удивительно однообразная. Везде голая равнина, кое-где покрытая мелкой молодой порослью. Были большие леса, но их башкиры выжгли на топливо. О правильном лесном хозяйстве они, конечно, и понятия не имеют. В каких-нибудь несколько десятков лет образовалась плоская унылая равнина»¹.

Подобных свидетельств о чрезвычайно быстром антропогенном воздействии, в первую очередь на лесные массивы Южного Урала, сохранилось множество. В 1880 г. полицейский К.Ф. Комар так характеризовал населённую в основном башкирами Караякуповскую волость, что лежала по речке Дёме немного

---

¹ Голос Приуралья (Челябинск). 1912. 9 марта.

южнее Уфы. «Башкиры Караякуповской волости, неимея достаточно скота, хотя недавно были ещё кочевым народом, незанимаясь почти хлебопашеством, незная ремёсел и небудучи народом промышленным, принялись за беспощадное истребление леса, продавая таковой за бесценок. До чего предложение леса с их стороны велико, это видно из того, что воз дров с $\frac{1}{2}$ саж. при рубке его самим покупателем, продаётся по 5 к., тогда как в Уфе сажень дров стоит более 2 р. Последний строевой лес, разделённый в прошлом году по числу домохозяев, в настоящее время почти вырублен и в близком будущем башкиры этой местности останутся совершенно без леса»¹.

Современники видели катастрофическое состояние окружающей среды. Анонимный «Старый агроном» зимой 1911 г., как раз накануне засухи, рассуждал в уфимской газете: «Многие из вас, кто постарше, ещё помнят, что в прежнее время много больше было лесов, озёр и болот, а вместе с тем и гораздо больше было дождей. Ведь ещё не так давно было время, когда подряд по несколько дней шли «обложные» дожди. Ну, а что же вы видите теперь? А теперь уже всякий говорит, что дожди-то идут «полосой», да и то не на долго, а то и за всё лето не увидишь дождя... Ну, а кормилица наша земля – ведь и она уж далеко не та, что раньше была? Победнела и она уж изрядно: народу покормила не мало. А ведь и на ней, на «нове» – то, легче жилось старикам: как не вспаши, а всё родит, а попробуй-ка теперь, на старопашке, как нибудь вспахать – и останешься вместо хлеба с польном да бурьяном». И следовал вывод. «Все перемены к худшему, стало мало лесов, нет дров, нет бревна, нет снега на дворе. Мало дождей – хлеб от засухи не родится. Новых ртов прибыло, а земля повыпахалась и стала меньше родить»².

На юго-востоке Мензелинского уезда в мордовской деревне Верхний Акташ в 1834 г. в среднем на одну крестьянскую семью приходилось более 38 дес. земли (1 дес. = 1,09 га). Перед Первой мировой войной, исключительно из-за прироста населения, средний надел не достигал уже 11 дес. на двор. Пытавшиеся выжить сельчане непрерывно увеличивали пашню за счёт лесных насаждений. Ещё в 1860-е гг. в Верхнем Акташе лес примерно занимал 835 дес. или 19% всей земли. До 1872 г. жители расчистили 245 дес., за 1872–1896 гг. вырубали ещё 350 дес., за 1896–1912 гг. – 60 дес. По переписи 1912 г. у верхнеакташцев осталось лишь 180 дес. леса или 4% надела. Причём резко ухудшилось качество насаждений. Уже в 1884 г. указывалось,

---

¹ Уфимские губернские ведомости. 1880. 13 декабря.

² Сельско-хозяйственный листок (Уфа). 1911. № 2–3. Стб. 23–24.

что это всего-навсего заросли и кустарник, разбросанные по увалам. Всю мало-мальски пригодную землю заняли под пашню и усадьбы с огородами¹. И такая деградация природы произошла всего за пол столетия, микроскопический срок в масштабах истории или биологии.

Современный краевед вспоминает о родных местах (к северу от Стерлитамака): «А какое разнообразие птиц, какая разноголосица песен и трелей по весне и ранним летом! Диких животных водилось много. Куда подевались тетерева, куропатки, барсуки, журавли? Но с ними – ясно, а вот где нынче обычные ужи, ящерицы! Ящерицы мелькали в траве такие красивые: зелёные и серо-коричневые. Сейчас почти не встречаются»². При подготовке истории села Красный Яр, что под Уфой, мне пришлось слышать рассказы старожил, вспоминая, что в их детстве (начало XX в.) в окрестностях села оставались так называемые «пеньки» – пни от огромных срубленных деревьев, выкорчевать которые крестьяне не могли и просто оставляли гнить в поле. Ляжешь на такой «пенёк», вспоминала тогда маленькая девочка, ни головой, ни ногами до краёв не достаёшь. Изучая исторические материалы за последние пару столетий просто поражаешься скорости изменения (исчезновения) прежней среды обитания.

В челябинской же прессе начала XX в. встречаются статьи, связанные с охраной природы. В заметке «Конфискация козлов» сообщалось, что «на местном рынке 12 сего ноября полиция усмотрела продажу живьём диких коз, ловля которых строго воспрещается законом. Немедленно козы и их владельцы были отправлены в 3-ю часть, где на продавцов коз составлен протокол, а козы были конфискованы и препровождены в местное общество любителей охоты.

Так как одна из коз оказалась раненой, то её дорезали, а остальные две козы будут обществом воспитаны до весны, а весной отпущены на свободу.

13 ноября надзиратель 3 части конфисковал 2-х живых козлов у торговца на Зелёном базаре челябинского мещанина Губина, который объяснил, что козлы куплены в д. Кузяшевой Мухаметкулуевской волости. На Губина составлен протокол. Козлы переданы обществу любителей охоты»³. Хотя встречалась и

---

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 92–93.

² Назаров В.А. Пёстровка – стерлитамакское Аксаково. Стерлитамак, 2009. С. 65.

³ Голос Приуралья. 1912. 16 ноября.

противоположная информация. Газета оповещала, что 29 сентября 1913 г. в окрестностях Сосновского посёлка состоится облава на волков, лисиц и диких козлов¹.

Немало интересных сюжетов, связанных с природой Южного Урала можно найти в газетах Оренбурга. После разделения губерний в 1865 г. здесь учреждаются собственные казённые «Оренбургские губернские ведомости», в 1873 г. начинают выходить церковные «Оренбургские епархиальные ведомости», а с 1876 г. издаётся первая частная газета Южного Урала – «Оренбургский листок»². Ситуация в оренбургской прессе часто менялась в зависимости от личности редактора, круга авторов и т. д., но материалы о природе края, в том числе о животном мире были нередки. Даже в православных «епархиальных ведомостях» можно найти немало информации о состоянии природы, экологии в пределах церковных приходов, местные священники регулярно отправляли туда свои заметки³. Например, священник Иоанн Разсыпнинский из села Васильевка Стерлитамакского уезда, что в верхнем течении реки Белой, выше Стерлитамака, подробно рассказал о природе своей местности, «Беркутиных горах», охоте и рыболовстве местных крестьян. «Из рыб в большинстве случаев попадает: лещ, судак, жерех, голавль, харлюз, а изредка: осётр, стерлядь и красная рыбица, мелкой рыбы множество»⁴. Из этой заметки видно, что в конце XIX в. и осетровые и каспийский лосось (красная рыба) поднимались до верховьев Белой.

Кстати, в начале 1880-х гг. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский начал подготовку к созданию истории Оренбургского края, две части из трёх в которой планировалось отвести под естественную историю⁵. Но отставка начальника не позволила осуществить задуманное. В отдельные годы в местной прессе публиковалось весьма много географических, природоведческих материалов. Так, в 1897 г. в «ведомостях» публикуется описание путешествия от Оренбурга до Верхнеуральска⁶, материал о Вознесенском боре на р. Иргизлы, летняя экскурсия Галля «Несколь-

---

¹ Там же. 1913. 25 сентября.

² См.: Сафонов Д.А. Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург, 2004.

³ См.: Голикова С.В. Агрικультура и экологический кризис: ситуация в Оренбургской губернии конца XIX – начала XX в. // Агрικультура Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002.

⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. 1880. 15 июля. С. 542. Первоисточник: Оренбургский листок. 1880. 27 января.

⁵ Оренбургские губернские ведомости. 1881. 17 января.

⁶ Опубликовано мною: Два путешествия. Из странствий по Башкирии // Бельские просторы (Уфа). 2009. № 11. С. 148–150.

ко дней в Башкирии», а в городской хронике рассказывалось как в ноябре башкиры 1-й Усерганской волости привезли в Оренбург на продажу убитых медведей¹.

Любопытный материал под заголовком «По поводу "неведомых" зверей в Оренбургской губернии» опубликовал в 1885 г. корреспондент газеты «Оренбургский листок» Николай Зарудный. Он подробно поговорил о шакалах, беспокоивших местных крестьян, но главным в статье являлось иное. Дело в том, что «в конце июля "один господин", бывший на именинах в ст. Переволоцкой, стал уверять, что видел тигра, перебежавшего через полотно железной дороги [линия Оренбург – Самара, М.Р.]. Хотя при тех условиях, при которых наблюдал тигра этот "господин", легко можно было увидеть и "змия зелёного" и "чёртиков" цвета бутылочного стекла, тем не менее и весть о нём нашла для себя не малую веру»². Можно посмеяться вместе с журналистом, но причиной самого появления этой статьи стала паника, охватившая окрестное население. Если бы подвыпивший "господин" рассказал про слона или бегемота, народ точно бы начал хохотать, а тут люди поверили в слух о тигре. Для жителей южной части Оренбургского края тигр в XIX в., видимо, был хорошо известным животным, бытовал, так сказать, в народной памяти (фольклоре), что вызывает предположение о возможных появлениях одиночных особей севернее приаральской популяции, тем более, что тигру не страшны морозы, в природе врагов у него нет, и даже человек до появления нарезного оружия мог представлять опасность только в случае встречи хищника с большой группой вооружённых людей.

Заметим, что тигр (в форме произношения бабр) поныне является гербом Иркутска, а В.И. Даль, составивший во время пребывания именно в Оренбуржье свой знаменитый толковый словарь, включил в него и бабра: **БАБР**, м. сиб. зверь, равняющийся по лютости и силе льву; тигр, полосатый, королевский, царский тигр, на Амуре лют, лютый, *Felis Tigris*; он изредка появляется в южной Сибири, в Кайсацкой степи, в Закавказье. Учёные ошибочно называли бабром одного из барсов, *Felis Uncia*, а географы даже, в Иркутском гербе, переименовали и переписали его в бобра. Бабровые шкуры идут на полсти, подстилку, на вывески в меховых лавках и пр.»³ В прессе соседнего города Уральска, столицы Уральского казачьего войска (современный Казахстан), редакция тоже публиковала статьи, где упоминались

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1897. 8 июня, 24 июля, 8 ноября.

² Оренбургский листок. 1885. 1 сентября.

³ <http://www.slovopedia.com/1/193/723937.html>; смотри также сайты Иркутской области.

среднеазиатские тигры («Царство животных в кульджинском крае» и др.)¹.

Взглянем на этот вопрос пристальнее. Ещё один из первых исследователей Оренбургского края П.И. Рычков в 1762 г. в разделе «О скотах и зверях» после аркара и барана отмечал именно тигра, причём в «сибирском» варианте наименования бабр (может этот термин имел распространение далеко на запад?). «Бабр есть отродие *тигров*, видом схож к рыси, или к кошке. Шерсть на нём желтоватая с полосами, глаза весьма быстрые, шея короткая, и когти пребезмерно твёрдые. Оных множество находится в камышах около *Аральского* моря, и по реке *Сыр-Дарье*, которые случающимся тут людям, а особливо верблюдам и лошадям, великий вред причиняют. Они такую скорость и силу имеют, что не только лошадь, но и верблюда, поймав, тотчас убивает. Они хотя не весьма высоки, но так длинны, что большие из них по сажени и больше бывают. Их ловят молодых, и сказывают, что старые *бабры* три года молодых кормят, в которое время они так смиренны, что их ловить безопасно, только бы старых при том не было; щенятся чрез три года. По тарифу *Оренбургскому* кожи их положены большой руки по тринадцати, средней по восьми, а меньшей по пяти рублей каждая»². В 1840 г. Э. Эверсманн начинает издавать свою «Естественную историю Оренбургского края», итог многолетних исследований. В 1850 г. в типографии Казанского университета выходит вторая часть, посвящённая млекопитающим. Автор, говоря о хищниках, отмечает, что «род *Felis* обитает преимущественно на юге, по ту сторону пограничной линии, только *Рысь*, живущая в лесах, встречается в уральских горах. Все степи по сю сторону рек Урала и Уя не обитаются ни одним видом из рода кошек». Далее Э. Эверсманн описывает каждого из зверей, начиная опять таки с тигра: «*Felis Tigris*. Тигр, бабр». Учёный вновь приводит второе название – бабр, которое по мнению исследователей заимствовано через тюркское *babr* (тигр) из персидского *babar* (дикое животное из семейства кошачьих, за которым охотятся из-за шкуры)³. Исконно тюркским для обозначения крупного кошачьего хищника (барс, тигр, ирбис, пантера и пр.) является термин илбирс (исходные формы *al-bars* или *irbis*)⁴.

---

¹ Уральские войсковые ведомости. 1883. 2 января.

² Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887. С. 199–200.

³ *Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О.Н. Трубачёва. Т. I (А – Д). М., 1986. С. 100. Информация *И.М. Акбулатова*.

⁴ *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 346.

«Между всеми породами кошек, – пишет Э. Эверсманн, – легче всех можно узнать тигра, отчасти уже потому, что он своею величиною превосходит все прочие породы наших стран, но особенно потому, что он только один имеет на красножёлтой шкуре поперечные чёрные полосы; все же прочие породы или в пятнах, что встречается чаще, или одноцветные. Он обитает преимущественно в обширных равнинах, поросших высоким камышом, около Аральского моря, по берегам Сыр-Дарья, Куван-Дарья и прежней Ян-Дарья; редко заходит он в страны, лежащие ближе к северу. Он попадает нечасто, но также нельзя сказать, чтобы он был редок. Киргизы охотятся на него, собравшись в числе 30 или 40 человек и убивают его стрелами. Кожу они сохраняют для воспоминания о своём геройском подвиге и постилают её в своих палатках вместо ковра, или продают на линии, в Оренбурге или Троицке. Ежегодно привозят в Оренбург круглым числом только одну шкуру, но из этого нельзя заключить о редкости тигра, ибо большая часть шкур остаётся в степи, потому что охоты на тигра предпринимаются только богатыми киргизами, которые не легко расстаются с своими трофеями. В России тигровые шкуры по малочисленности не составляют предмета торговли, и так как их трудно доставать, то они и употребляются только любителями на чапраки, или их кладут в спальнях перед кроватью вместо ковра.

Тигр обитает, как уже было сказано, в густых камышёвых полях: там он имеет и своё логовище, а самка гнездо, и как они постоянно ходят по одной и той же тропе, то от смятого тростника образуется явственная дорожка. Когда Киргизы на своём пути встречают такую тропинку, то они спешат скорее удалиться, чтоб избежать грозящей им опасности. Я сам раз наткнулся на Сыр-Дарье на такую тропинку. От этих тропинок или дорог получил тигр своё киргизское название Юл-барс, ибо юл значит дорога, а барс называется всякий большой зверь из породы кошек¹.

---

¹ Есть и иная версия. «В Средней Азии тигра называли «джульбарс», «джолбарс», «йулбарс». На тюркских наречиях «джол», «джул», «йул» означает «путь», таким образом это слово можно перевести как «бродячий барс». Этимология слова связана с поведенческими особенностями хищника – он был способен совершать путешествия за сотни и тысячи километров от места своего первоначального пребывания, а за сутки этот тигр мог пройти до ста километров» // Википедия (Туранский или каспийский тигр, вымерший подвид). Последний раз тигра в низовье Амударьи видели в 1958 г.

Важно отметить именно эту особенность в поведении. «Иногда тигром овладевает охота к перемене мест и он начинает бродяжничать, озадачивая и пугая людей своим неожиданным появлением там, где его не видели. Известны случаи, когда туранские тигры уходили от родных мест на

Пища тигра, живущего около Аральского моря, состоит из антилоп, диких лошадей, диких ослов, диких баранов (аркаров) и кабанов, которые в тамошних местах встречаются во множестве.

Лет двадцать тому назад, имел я случай в Московском музее заметить влияние климата на мех трёх тигров: один из них был убит на Алтае¹ и имел мех жёсткий с длинными мохнатыми волосами; другой, если не ошибаюсь, из Аравии, был гладок и блестящ с короткими волосами, а третий из Закавказья составлял средину между двумя первыми².

Из текстов П.И. Рычкова и Э. Эверсманна следует, что тигры в XVIII – первой половине XIX вв. водились «около Аральского моря», при этом, хотя и «редко», но заходили «в страны, лежащие ближе к северу». Изучение источников по территориям современного северного Казахстана, степей в междуречьи Урала и Волги, северной лесостепи вокруг Челябинска часто наталкивает на воспоминания о бывших в древности здесь, возле степных озёр и речушек прежних обильных зарослях камыша, урёмных лесах, вообще о наличии каких либо «островных лесов», как вы-

---

тысячу километров, а за сутки им ничего не стоило пройти девяносто. Вот в 1922 году один такой скиталец пропутешествовал по прямой более четырехсот километров и забрел в окрестности города Тбилиси. Здесь его жизненный путь прервал человек» (<http://www.apus.ru/site.xp/054051050124050048053054053.html>). А «расшифровка генома исчезнувшего в 1970-е годы каспийского тигра показала, что он принадлежит практически к тому же виду, что и амурский – это открывает возможность для восстановления популяции этого животного, говорится в статье, опубликованной в журнале PLoS ONE группой ученых из Британии, Израиля и США.

Каспийский тигр (*Panthera tigris virgata*) обитал в Центральной Азии в лесах вдоль речных долин и был отделён от других популяций. В 1920-е годы популяция этих животных начала сокращаться из-за активной охоты на них, сокращения мест обитания, снижения количества доступной пищи. Последний каспийский тигр был убит в феврале 1970 года в турецкой провинции Хаккари» (<http://eco.gian.ru/discovery/20090116/159389527.html>).

¹ Тигр «иногда заходит в Сибирь до реки Оби. Г. Спасский (см. Сибир. вест. 1820 года) пишет, что в 1813 году был убит таковой зверь на реке Алее, близ Локтевского завода, и что Санктпетербургская Академия Наук и Московское общество испытателей природы признали его по рисунку и описанию тигром» (Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. СПб., 1832. С. 136–137). Река Алей впадает возле Барнаула в Обь.

² Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края, их образ жизни, способы ловли и отношение к промышленности. Сочинение Э. Эверсманна. Казань, 1850 (на титуле: Естественная история Оренбургского края. Сочинение Э. Эверсманна. Часть вторая). С. 3, 6–8.

ражались в Оренбуржье сто лет назад¹. Думается, что антропогенное воздействие в степной местности, вызванное ростом населения и поголовья скота, в первую очередь выразилось в уничтожении именно таких островков кустарниковой и лесной растительности на дрова и строительный материал. Возможно, в более ранние времена подобная среда обитания могла привлекать тигров и ареал их распространения был севернее, отмеченного исследователями XVIII–XIX вв. Тем более, что здесь в изобилии водились дикие свиньи, не являвшиеся объектом охоты для окрестных мусульман², но составлявшие одну из основ рациона тигров. Вот что пишет П.И. Рычков. «Кабаны, или дикие свиньи, в Башкирии и на здешней стороне реки Яика редко случаются. Напротив того за рекою Яиком, по Илеку реке вверх, а особливо около тех озёр, на которых камыш растёт, Яицкие и Илецкие казаки в зимние времена бьют их для пищи весьма не мало, а иногда и в Оренбурге для продажи битых привозят. Из них так велики бывают, что в одной туше от пятнадцати до двадцати пудов мяса случается. Вепри, или борова, имеют обыкновенно клыки, то есть зубья кривые, кои изо рта наружу вырастают, подобием серпа, вершка на три, а у больших и на четверть, и так остры, что они ими деревья в оглоблю и толще одним разом пересекают. Стреляют их из винтовок, а притом бьют и копьями»³.

Не являются ли эти, самые поздние свидетельства контактов населения Южного Урала с приаральской популяцией тигров, порождавшие разные слухи (?), отзвуками существования древнего и более широкого ареала распространения тигров, когда забайкальская (восточносибирская) популяция смыкалась с балхашско-аральской? Когда русские в середине XIX в. завоевали долину Сыр-Дарьи и восточное Приаралье, они столкнулись с их большим количеством. «В камышах повсюду гнездятся тигры, кабаны, дикие гуси, утки, а в саксаульнике безчисленное множество фазанов, которые подобно курам, то и дело перебегают

---

¹ В популярной брошюре про зауральские степи (без упоминания Сыр-Дарьи) сообщалось: «Густые высокие леса тростника, растущие по окраинам вод, скрывают множество болотных и водяных птиц, черепах и других земноводных, большие стада кабанов, выдр, а иногда попадаются здесь и тигры» (Очерки Зауральской степи и внутренней или Букеевской орды. М., 1859. С. 5).

² «В Киргизских степях кабанам нечего бояться людей, потому что тамошние народы – последователи мухаммеданской религии, но за то их преследуют различные породы кошек – барсы, тигры и др.» (Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края. С. 213).

³ Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. С. 204.

дорогу путешественнику»¹. «Тигры, барсы и кабаны – обитатели камышей и густых кустарников, покрывающих побережья озёр и рек. Особенно много этого зверья водится на южном и восточном берегу Аральского моря, в камышах Сыра и Аму, в окрестностях форта Перовский» и пр. В это же время началась массовая охота. «Тигров убивают иногда и русские солдаты, поощряемые к тому администрацией. За убиение нижним чином тигра выдаётся премия в 25 рублей, которая увеличивается 5 рублями за истребление всякого следующего тигра». В 1879 г. в Ташкенте тигриные шкуры продавались по 20–25 руб., а барсов за 8–10 руб.²

Упомянувшийся Г.С. Карелин во время путешествия 1841 г., двигаясь по маршруту Омск – Семипалатинск – Каркаралинск, вышел к горам Заилийского Алатау и на речках Лепс и Аксу, впадающих в озеро Балхаш, неоднократно сталкивался с тигром. В письме 30 июня Г.С. Карелин сообщал в Москву: «Мы теперь в стране, где не только водятся, но и выводятся настоящие тигры (*tigre royal*), оставаясь тут летом и зимою. Охотники наши ещё не встречались с этим ужасным животным, но рёв его мы уже слышали. Не задолго до нашего сюда прихода туземцы убили большого тигра, шкуру которого приобрёл я, уже полувыделанною. Жители имеют обыкновение отрезывать когти тигра, и пришивать их к платью своих детей, почитая талисманом, имеющим такую же силу удалять злых духов, как и перья полуночника (*L'Engoulement, Caprin*)». На реке Аксу «в ущельях лес, в котором множество дичи и тигры». Об озере Балхаш путешественник замечал, что «большую часть окраивает их широкою каймою высокий и густой камыш, вечное жилище настоящих тигров (*Tigre royal*) и бесчисленных стад кабанов, которые служат первым обильною пищею»³. С поправкой на более южный климат, хотя про горы этого не скажешь, картина достаточно близкая к «нашей».

На самом юге Башкирии, в приграничных с Оренбургской областью районах сохранились косвенные «следы» тигриного присутствия. На крайней юго-восточной окраине Уральских гор и Башкирии, в совр. Хайбуллинском районе, у подножья лесных массивов, в степном междуречье рек Сакмары и Таналыка лежит башкирское село Юлбарсово (на некоторых совр. картах –

---

¹ Материалы для географии и статистики России. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа / Сост. Л.Ф. Костенко. Т. I. СПб., 1880. С. 255.

² Там же. Т. III. СПб., 1880. С. 99, 101.

³ *Липский В.И.* Григорий Силич Карелин (1801–1872). Его жизнь и путешествия. СПб., 1905. С. 107–109, 111–112, 119.

Юлбасово¹). По двухкилометровой карте 1941 г. (издание 1944 г., лист №40–141, Самарское) селение Стар. Юлбарсово² (Стар. Юлбарс) лежит восточнее посёлка Самарского на притоке Тана-лыка, маленькой степной речке Ера-Нагас (название говорит о прежних зарослях ольхи / осины), в её верховьях на повышающихся к востоку высотах. Чрезвычайно примечательно само место расположения деревни Юлбарсово. Таналык впадает в Урал (совр. Ириклинское водохранилище) чуть выше города Орска, где Урал поворачивает с южного на западное направление. Немного ниже по течению с другого (казахского) берега в Урал впадает речка Орь, от которой через небольшой водораздел находится долина реки Ирғиз, протянувшейся с севера на юг по восточной части совр. Актюбинской области, а южный конец Ирғиза лежит примерно в сотне километров от Аральского моря (там было большое озеро Чалкар-Тениз). Прямо «тигриная» дорога на север, от Арала до Урала. Именно по этому маршруту в апреле 1771 г. двигался в степь отряд, где находился Н.П. Рычков. Они вышли из Орской крепости, прошли мимо «Мугалджарских гор» («В сих местах находится великое множество диких свиней. Передовые наши козаки убили одного превеликого борова») вдоль речки Орь, затем поднялись по её притоку речке Камышла, на берегах которой «ростёт изредка тополёвый лес», перейдя водораздел «достигли мы до речки Кисти-Кишан, текущей с востока в речку Ирғис»³.

В самом конце XIX в. энциклопедия так характеризовала Ирғиз – «степная река, величайшая из внутренних рр. Тургайской обл., берёт начало в холмистом водоразделе систем рр. Тобола и Б. Ирғиза и Ори; общее направление И. к ЮВ; длина теч. около 450 в., ширина до 20 саж., глубина довольно значительная, но бродов в И. много... Река течёт то непрерывно, то плёсами, образуя попутно небольшие озёра. За исключением верховьев, речная долина И. довольно бесплодна и покрыта солонцами, песками и болотами. Только местами встречаются тальник и гребеньщик, а по берегам оз. и болот камыш. заросли. В верхн. части речной долины на рч. Уй-мулла (прит. И.) сохранилось ве-

---

¹ Общегеографический региональный атлас «Республика Башкортостан», изд. 2-е, 2005. Л. 113 (Д).

² Происхождение названия деревни Юлбарс Татыр-Узякского сельсовета Хайбуллинского района возводится к личному имени Юлбарыс (Хисамитдинова Ф.Г., Сиразетдинов З.А. Русско-башкирский словарь-справочник названий населённых пунктов Республики Башкортостан. Уфа, 2001. С. 290).

³ Дневные записки путешествия Капитана Николая Рычкова в киргискайсацкой степи, 1771 году. СПб., 1772. С. 4–5, 8, 14.

ковое дерево, 2½ арш. в диаметре, представляющее остаток давно истреблённого леса». Есть «прекрасные поёмные луга», значительны весенние разливы¹. Ещё в первой половине XIX в. Э. Эверсманн отмечал обилие живности, в первую очередь кабанов (на карте Тургайской области находим Чушка-Куль). «В невероятном количестве водятся они в огромных камышёвых полях по рекам Сыр- и Куван-Дарья, также не редки на восток и север от Аральского моря, в песках и степях, где много камышей, около озёр и в долинах. Зимой в 1820 и 1821 годах, во время экспедиции из Оренбурга в Бухарию, мы часто охотились на кабанов. В это время камыши, растущие там до 1½ сажени вышиною, совершенно высыхают. Мы выбирали из них такие, которые со всех сторон, или по большей части, окружены голой степью, и зажигали со стороны, с которой дул ветер; тогда ветер быстро гнал огонь вперёд, а на противоположную сторону, спасаясь от огня, бежали многочисленные стада кабанов, молодых и старых, больших и маленьких; тут встречали их охотники и казаки с копьями. Много кабанов было застрелено, но больше заколото казаками, догонявшими их на лошадях»². Напомним, что кабаны – основной пищевой ресурс крупных хищников.

Кроме того, именно на юге Башкирии в документах фиксируется распространение имени Юлбарыс: Юлбарыс Аблеев (башкир и тархан Кипчакской волости, 1760–1762 гг.), Юлбарис Кучумов (башкир Чуби-Минской волости, 1770 г.), Юлбарыс Сейтяков (башкир Усерганской волости, 1758 г.)³, Елбарыс Абляев (служилый татарин, Бугульминское ведомство, 1779 г.) и лишь башкир Юлбарис Асанов проживал в районе р. Чермасан⁴. И в дер. Юлбарс зафиксировано родовое подразделение юлбарыс. Подобный случай в Башкирии встречается ещё лишь однажды у башкир-минцев (которые и держали верблюдов) в дер. Исмагилово совр. Давлекановского района⁵.

Не удивительно, что у башкир – главных звероловов Южного Урала такой интересный исторический источник, как фольк-

---

¹ Вейнберг Л. Иргиз // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIII (полутом 25). СПб., 1894. С. 311.

² Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края. С. 212.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. Ч. 1 / Сост. Н.Ф. Демидова. М., 1956. С. 174, 197, 249, 342.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V / Сост. Н.Ф. Демидова. М., 1960. С. 60, 81.

⁵ Камалов А.А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа, 1997. С. 268, 366.

лор, буквально пронизан темой природы и животного мира, начиная от эпоса «Урал-батыр» (лев, барс, сохатый, медведь, волк, барсук, щука и пр.)¹ до различных легенд и преданий. В 1812 г. в Казани Тимофеем Беляевым (проживал в Оренбуржье²) был опубликован народный эпос «Куз-курпяч», который начинался так (приводится подлинный текст): «При вершинах реки Иртыш жил почтеннейший в роде башкирском муж, именованный Карабаем». Он часто «ездил в степь киргизскую ловить и бить зверей». То есть герой эпоса представляет северных, зауральских башкир.

Кроме обычной дичи попадались и диковинные животные. «В один день, как они были на охоте, нечаянно напал на них арслан. Сей свирепый зверь, никогда невиданный сими охотниками, принудил их всех от бою с ним укрыться. Один только Карабай стоял, не трогаясь с места. Он призывает своё мужество, вынимает из тула кибирь-стрелу и, наложив её на лук, его натягивает. Араслан, бия себя хвостом по бокам и поднимая страшную гриву, идёт тихим шагом к батыру, дабы, приближась, одним прыжком на него кинуться. Но Карабай, предупредив его, пускает стрелу, которая, пробив навылет гортань его, положила мёртвого на землю». Рассказчик подчёркивает, что лев (арслан) был невиданным зверем для северной окраины степей и только могучий батыр мог решиться сразиться с чудовищем. Вероятно, в легенде отразились предания о редчайших случаях захода львов далеко на север.

По иному, гораздо более «обыденно», с обилием конкретных деталей описана в эпосе «Куз-курпяч» охота на тигра. Друг Карабая, киргизец (казах) Сарабай приехал к тому в гости и «ради поспешности на дороге не ловили зверей, хотя их довольно им попадалось». На третий день киргиз приехал в башкирский аул (на север), после чего два заядлых охотника со спутниками отправились за добычей. «Сарабай, удаляясь от всех, ехал один

---

¹ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 36–39 и др.

² Крепостной Тимофеем Савельевич Беляев родился примерно в 1768 г. в семье влиятельного приказчика дворянского рода Тимашевых, с 1802 г. проживал в селе Ташла – центре имения Тимашевых, славившемся культурными традициями. Исследователи отмечали, что в произведении Т. Беляева присутствуют черты как классической литературы, так и записи народного башкирского творчества (автор знал башкирский язык) (См.: Зобов Ю.С. К биографии Т.С. Беляева, автора «башкирской повести» «Куз-курпяч» // Башкирский край. Вып. 3. Уфа, 1993; Васильев И.М. К биографии Т.С. Беляева, автора повести «Куз-курпяч» // Бельские просторы. 2000. № 1). Можно предположить, что Т. Беляев в свою повесть включил слышанные им охотничьи истории, а, вероятно, он мог и сам разъезжать по Южному Уралу (его отец руководил отправкой соли), заниматься охотой.

мимо камышей и нечаянно встретился с юлбарсом необычайной величины». Охотник (и рассказчик легенды) удивлён не самому факту появления тигра, как выше в случае со львом, а только его необычными размерами. Вероятно, перед нами внезапная встреча тигра и человека на той самой тигриной тропе в камышах, из-за которой и возник термин юлбарс. «Зверь кинулся на него. Батыр не устранился от бою и ударил его копьём, но не попал ему в зев¹, а пробил переднюю лопатку. Зверь, расшвирипев от раны, ударяет лапой по копьё, коего древко лопаётся вдребезги». Перед нами обстоятельный, со знанием дела рассказ об охоте на тигра в начале XIX в. Тимофей Беляев, видимо, понимал, что современники-читатели хорошо знают как на надо охотиться и поэтому тут нужны точность и достоверность в деталях.

«Обезоруженный батыр соскакивает с коня. Зверь в ярости, не различая коня от всадника, бросается на первого и терзает его. Батыр, пользуясь своим случаем, выхватывает острую свою саблю, с силою ударяет зверя по спине и делает глубокую рану; от чего зверь, расшвирипев более и оставив коня уже растерзанного, с клубящуюся из челюстей пеной, с кровью смешанною, кидается на друга Карабаева. Сарабай поражает его саблею в отверстый зев, но проворный зверь едва почувствовал прикосновение острия, стиснув саблю зубами, изломал её в мелкие куски и оставил в руке у батыра один обломок». Рассказ полон экспрессии, будто у костра разгорячённый охотник с горящими глазами заново переживает все перепетии настоящего сражения перед затихшими ошеломлёнными слушателями. Не знаю, ходил ли сам Тимофей Беляев на охоту, но очевидно к 1812 г. он не раз слушал подобные истории, что позволило ему создать реалистичное повествование.

«Мгновенно кинулся на него и острыми своими зубами и лапами хотел растерзать его; но как Сарабай был в кольчуге, то зверь не мог его глубоко ранить, а только превосходством силы привёл батыра в такое изнеможение, что он едва держался на ногах и с последним усилием отбивался от него, держа ещё в руке остаток изломанной сабли и нанося оным ему удары, кои были, однако, слабы и не вредили зверю. Сей бой окончился бы непременно смертью батыра, если бы счастливый случай не привёл на место сие устранившегося от товарищей своих друга его Карабая. Сей, видя его опасность, соскакивает с коня, дабы вернее поразить зверя. Со скоростью вихря бросается на него,

---

¹ Обратим внимание на эту охотничью деталь. Люди того времени знали уязвимое место крупных кошачьих – горло, гортань.

одним ударом отделяет ему правую лапу, уже схватившую киргизского батыра за шею. Зверь бросает свою добычу и обращается на Карабая; но в миг упадает к ногам его от сильного удара в голову. Как ни твёрд был череп зверя, но сила руки Карабаевой и острота сабли разделили его надвое». В 1812 г. оренбуржец Тимофей Беляев создал, пожалуй, самое яркое в южноуральской литературе описание охоты на тигра, опираясь, скорее всего, на подлинные знания. На рубеже XVIII и XIX вв. огнестрельное оружие применялось ещё не часто на охоте, особенно среди башкир. И далее в тексте народного эпоса встречаем упоминания о крупных кошачьих. Сыну Карабая, Куз-Курпячу привиделось, что башкиры «на звероловстве приготавливаются к обороне от свирепых арсланов и кровожаждущих юлбарсов»¹.

Примерно в 1860-х – начале 1870-х гг. на юге Башкирии (в Верхнеуральском уезде) историк и краевед Р.Г. Игнатьев записывает большое предание «Алдар и Зухра», где находим несколько описаний охоты на юлбарсов, «переехав просторный луг, подъезжали мы к одному ущелью [sic! – М.Р.], как увидели из оною выходящего отменной величины юлбарса, медленно к нам ступающего, бьющего по земле длинным своим хвостом», а лев провожал эпического героя до Уральских гор².

Среди южных башкир (бурзян и кипчаков) в начале XX в. был записан поэтический эпос «Кусяк-бий», основу сюжета которого составляет появление среди башкир льва-людоеда, зашедшего в отроги Уральских гор («На горе Муйынсаклы мой пасся скот»). Страшный хищник:

«Тысячам верблюдов распорол
Животы, из трупов гору он возвёл...
Сорок чад убил без жалости злодей,
На пяти других оставил след своих когтей,
Вот они-то и вернулись домой,
Принесли страшнейшую среди вестей».

То есть лев напал на домашний скот, который пасла в горной долине молодёжь. По призыву Масим-хана, чей стан стоял на берегу Агидели (Белой), его легендарная могила находится в Бурзянском районе, Бабсак-батыр убивает чудовище.

«Как-то шёл он вдоль ручья, и видит вдруг
Льва огромного, что сладким сном почил»³.

Существуют и другие упоминания льва в башкирском фольклоре. В эпосе «Сура-батыр» действие разворачивается на

---

¹ Башкирское народное творчество. С. 267, 271–272, 304.

² Там же. С. 420, 452.

³ Там же. С. 466, 474.

речке Уил недалеко к югу от Оренбурга. Богатый казах Нурек-мирза держал много лошадей. «Приохотился, будто бы, к лошадям Нурек бая лев. Каждый день съедал по одной лошади». Богача заинтересовало, а сколько может лев сожрать коней и каждую ночь он приводил к месту, где обитал лев по одной лошади¹. Комплекс различных исторических источников (косвенных) позволяет выдвинуть гипотезу о более северных границах ареала крупных кошачьих хищников в исторически достаточно близкое время (по XVIII в.).

Эти данные в общем близки к выводам специалистов-биологов. В расселении тигров выделяются две части: «территория постоянного пребывания и размножения и такие, куда звери только заходят. Обычно область заходов как бы окаймляет область постоянного обитания более или менее широкой полосой». А северная граница «заходов» тигра это Казахстан и Западная Сибирь. Ещё А.С. Пушкин упоминал о тиграх в устье Урала и есть «указание на обитание тигра в области кочевий казахов Малой Орды (Брандт, 1856). Они находились в пределах бб. Уральской обл. и частью в Тургайской и Сырдарьинской обл. и Оренбургской и Астраханской губ.» Зато северную границу обитания льва специалисты-биологи ограничивали заходами в Туркмению и верховья Амударьи. «Правда, прямых исторических свидетельств о существовании льва в Средней Азии нет, но не исключено, что изучение средневековых источников такие свидетельства даст»².

В начале XIX в. издаются результаты академических экспедиций, проходивших на рубеже XVIII и XIX вв. и затрагивавших в том числе Оренбургский край. И.И. Лепёхин отмечал в 1769 г. в окрестностях Уральска (на западной стороне реки): «Самое приятнейшее позорище представляли глазам нашим *Сайгаки* или *дикия козы*, которые неизчислимыми табунами прибегали к морским проранам для утоления жажды. Сие степное и борзое животное так легко бегают, что трудно, думаю, его нагнать и самой лучшей борзой собаке. Всего смешнее смотреть, когда оне от ружайнаго выстрела разсыпаются по степи и представляют изрядной балет»³. Весьма подробно показан животный мир в

---

¹ Хусаинов Г.Б. Шежере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере. (Филологические исследования и публикации). Уфа, 1985. С. 15–16. Информация И.М. Акбулатова.

² Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие Советского Союза. Т. 2, ч. 2. Хищные (гиены и кошки). М., 1972. С. 79, 93, 97.

³ Записки Путешествия Академика Лепёхина. СПб., 1821. С. 495; полные тексты книг Лепёхина (с указанием состава местной фауны) и Фалька есть на Google Книги.

трудах другого академика П.С. Палласа, экспедиции которого проходили как вдоль Оренбургской пограничной линии, так и внутри Башкирии. В Уфе учёный отмечал, что «вся сия страна изобилует изряднаго роду *куницами*. Цена их шкурок по доброте и числу купцов от 60 и 70 копеек до рубля простирается и не мало Башкирцов и всех тамошних жителей к охоте поощряет. В ловле оных одним только поступают образом: по первой пороше изыскивают прилежно следы сих зверей, и следуют за ними на лыжах и либо на дереве застреливают, либо дерево срубаят, чтоб приученныя к тому собаки их поймали». Ловили также норку и белку. «Весьма редко, но однакож случается, что по Уральским горам, а особливо к *Каме*, и около вершины реки *Уфы* простенькие *соболы* попадаются. *Лоси* и *Серны* показываются только на высочайших горах; а *волков* и *лисиц*, по причине густых лесов, со всем нет или весьма мало». А «во всей Исетской провинции держат Башкирцы по разным местам *верблюдов*, но в малом числе, и особливо для того, что во время бывшего за несколько лет пред сим всеобщаго повалу и оные пасть начали»¹. Направляясь в Сибирь, П.С. Паллас кратко охарактеризовал звероловство в Исетской провинции, «поелику оное не важно. Однакож Башкирцы и Татары ловят довольно обоих родов куниц, кои в доброте весьма редко с Уфимскими ровняются, также простых лисиц и волков в мирное время с Киргизцами ходят многие из сих промышленников ... на ловлю в пустыне степи до самого Тобола и Ишима и возвращаются обыкновенно с богатою добычею, состоящею в корсаках, лисицах, волках, бобрах и выдрах. ... В Исетской провинции ловят также довольно горностаев изрядной величины... В моё время поймали Татары не далеко от Челябинска соболя, коего однакож за весьма великую редкость почитали»².

Возвращаясь из Сибири, из Кыштыма путешественник проехал верховья реки Уфы. Он замечал: «Также и в еловниках при Уфе и по всей части лесной сей страны даже до Камы кроме другой красной дичи, находятся Лапландские олени, по Башкирски юше, которые часто выходят большими стадами, и смотря по рогам их, должны быть не столь рослы, как ближе к северу водящиеся. Соболей здесь весьма мало видно, напротив того в сём месте куницы бывають крупнее и лучше нежели во всей России». Выйдя к Каме, П.С. Паллас оставил интересные заметки о рыболовстве в Сарапуле. «Мимотекущая река Кама

---

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / пер. с нем. Ф. Томанский. Ч. 2, кн. 1. СПб., 1786. С. 25, 97.

² Там же. Ч. 2, кн. 2. 1770 г. СПб., 1786. С. 14.

доставляет живущим по берегам оныя в рыбах великое изобилие, кои здесь почти самыя вкусныя по всей России. По крайней мере здешняя белая рыба, осетры и стерляди далеко Волжских превосходят. Сверх сих трёх родов в Каме за главную рыбу почитать должно лососей, или так называемую красную рыбу, которая обыкновенно ловится величиною в полтора или два локтя. Мне сказывали о другой породе лососей, которые иногда в Каме, а более в *Белой реке* ловятся, и *Стрешевой Камской линь* называется. Но сия принадлежит к редкостям; а я не имел случая оную видеть». Спустившись далеко на юг, в степное междуречье Яика и Волги, П.С. Паллас подробно описал диких лошадей (тарпанов, есть рисунок), встречал куланов и сайгаков¹. Сайгаков Паллас лично видел возле Орска «на сей стороне Яика»².

Во второй половине XIX в. в связи с развитием книгопечатания и появления массовых научно-популярных и научных журналов о природе периодическая печать (газеты) перестают в сколько-нибудь заметных масштабах размещать природоведческий материал, их заменяют книжные издания. В 1859 г. в Уфе выходит одна из первых обобщающих работ по Оренбургскому краю, автором которой был Василий Макарович Черемшанский (последняя должность акцизный надзиратель, умер в Челябинске 24 декабря 1868 г. в возрасте 48 лет³), где много места уделено животному миру, в основном домашнему. Приведём сведения В.М. Черемшанского по единственному вымершему домашнему животному – верблюду. «У Башкирцев, живущих по р.р. Белой, Дёме, Сакмаре и Исетию верблюды употребляются вместо лошади, для перевозки тяжестей, как то: руды на горные заводы, илецкой соли в разные места, а по линии – дров, сена и т. п. Надобно заметить, что верблюды при перевозке тяжестей не навьючиваются, но вместо вьюка Башкирцы приспособились употреблять его в упряжь в телеги и сани, накладывая грузу от 40 до 50 пуд.⁴ Кроме того животное это доставляет владельцу шерсть, молоко, шкуру и мясо. Шерсть и шкуры верблюжьи употребляются Башкирцами на домашние изделия, а мясо и молоко идут в пищу.

Здешний верблюд принадлежит к породе *двугорбой*. Он приобретает Башкирцами от Киргизов и других жителей Средней Азии, которых они приводят с караванами; впрочем

---

¹ Там же. Ч. 3, половина вторая. 1772 и 1773 годов / пер. с нем. В. Зув. СПб., 1788. С. 20–21, 48, 82, 87.

² Там же. Ч. 1. СПб., 1773. С. 397. Первая часть размещена в Интернете в Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина.

³ Уфимские губернские ведомости. 1869. 1 февраля.

⁴ Лошади в среднем нагружали в сани (телегу) по 20 пуд. – М.Р.

Башкирцы стараются разводить их и сами, принаровляя случку их в Марте или Феврале в том расчёте, что самка носит обыкновенно около года, редко месяцев 11, а более 13, и что следовательно верблюжёнков, родившись ранее времени наступления весенней поры, должен был бы испытывать холод и подвергаться опасности даже погибнуть от него.

По официальным сведениям число верблюдов в Оренбургской губернии в 1850 году состояло из 774 шт., но в прежнее время Башкирцы водили их более, как это видно из того, что во время Турецкой компании 1828–29 г., по требованию Правительства, Башкирцы представили более тысячи верблюдов в армию для перевоза тяжестей чрез Болканские горы и неоднократно представляли их для военных экспедиций, отправлявшихся с Оренбургской линии в Киргиз-Кайсацкую степь¹.

Относительно содержания – верблюд есть животное самое неприхотливое и требует за собой весьма мало ухода; летом он гуляет по степям, а зимой берегут его только от сильных морозов, – для чего строятся тёплые шалаши и кладут в них достаточно подстилки – соломы или хвороста; молодых верблюжат на зиму обшивают кошмами и помещают вместе с матерями в тёплом шалаше, а летом они пасутся вместе с ними же в степи и приучаются подщипывать травку; впрочем в первый год – они преимущественно питаются матерним молоком, а во второй выпускаются на траву и с этого времени уже постоянно кормятся подножным кормом, а зимою сеном. – Весной верблюды обыкновенно линяют и делаются совершенно голыми; у самых взрослых остаются только клочки на голове, на нижней части шеи и кой-где на бёдрах. Шерсть эта собирается и употребляется в дело. Башкирцы пользуются верблюдами лет 20–30 и более»².

Работа В.М. Черемшанского посвящена в основном экономике края и поэтому отношение к дикой природе уже утилитарное, как к одному из источников материальных благ. Рыболовство, очень подробно уральское, показано в виде детального рассказа о снастях и способах ловли³. В разделе «охота на зверей» автор подчёркивает негативные изменения последних десятилетий, превращение охоты в развлечение⁴. «Но с уменьшением ле-

---

¹ Оренб. Губ. Вед. 1850 г. № 20 – примечание В.М. Черемшанского.

² Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 367–369.

³ Там же. С. 435–456.

⁴ Так, Р.Г. Игнатъев отмечал в 1868 г. про Миасский завод: «Водившиеся здесь прежде в изобилии: волки, лисицы, зайцы, белки, барсуки, норки и бурундуки год от году выводятся, а потому звериная охота не составляет

сов и умножением народонаселения, уменьшились и звери – они частью истреблены, частью удалились в более пустынные места. Ныне звероловство не составляет уже столь прибыльного промысла, каким оно было прежде. Если и теперь ещё охотников довольно много, но занимающихся охотой, как постоянным и исключительным промыслом мало, потому что охота на зверей, требуя особого навыка и будучи сопряжена с трудами и нередко лишениями, мало обещает выгод.

В лесах Оренбургской губернии водятся следующие звери: *медведи, волки, лисицы* – красные и белые, *зайцы, белки, барсуки, суслики, рысь, лось, козули, выдры, горностаи, норки* (в горных и степных реках). ... Медведи встречаются двух пород – *бурый* и *жёлто-бурый* или, говоря языком охотников – *стервятник* и *муравейник*. Стервятник обыкновенно бывает вдвое более муравейника, проворнее на бегу и водится по самым гористым и диким местам, а муравейник держится больше на равнинных лесах». И далее подробно рассказываются способы поимки зверя¹.

Во второй половине XIX в. появившееся в Уфимской губернии земство (местное самоуправление) разворачивает активную издательскую деятельность. Но изучение дикой фауны остаётся практически вне его интересов. Лишь в изданной в 1873 г. в «памятной книжке Уфимской губернии» помещаются два раздела, подготовленные известным южноуральским историком и краеведом Р.Г. Игнатьевым. Он достаточно профессионально подошёл к заданию и собрал (ещё в 1869 г.) в общем интересный материал. Первый раздел назывался «Рыболовство². Уфимская губерния обильна водами и по рекам Каме, Белой, Уфе и другим, а также по многим озёрам производится значительное рыболовство; но рыболовство не составляет здесь исключительного промысла для местных жителей. – Большая часть вод принадлежит казне или башкирам-вотчинникам и отдаётся в аренду разным лицам, преимущественно Вятским рыболовам, более или менее значительными участками, которые потом самими арендатора-

---

промысла, а только *охоту*» (См.: Игнатьев Р.Г. Миасский завод // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа, 1868. Отдел II. С. 62–87). Непревзойдёнными остаются в литературе произведения С.Т. Аксакова «Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (См.: Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1956).

¹ Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 456, 459.

² Статья не подписана. В оглавлении: «Рыболовство: породы рыб в реках и озёрах Уфимской губернии; способ лова, цены и проч., Р.Г. Игнатьева».

ми раздробляются на малые участки и раздаются из барышей частным рыболовам. Даже значительная часть рыболовов работников, особенно на Каме – Вятские, потому что местные жители предпочитают этому занятию земледелие, лесные промыслы и прочие занятия. – Всего менее занимаются рыболовством башкиры, у которых многие рыбные ловли даже проданы в вечное владение. Это объясняется между прочим и тем, что башкиры и до самой рыбы небольшие охотники и весьма мало употребляют её в пищу. Весьма немногими рыбными ловлями пользуются сами местные жители и это преимущественно в Уфимском, Бирском и Мензелинском уезде, но эти ловли самые незначительные и рыба более идёт для себя, нежели в продажу на ближайших базарах.

Породы рыб в реках и озёрах Уфимской губернии.

В Уфимском уезде: в рр. Белой и Уфе: осётр, белуга, белая рыба, стерлядь, сом, лещ, сорожка, головль, судак, линь, щука, окунь, налим, подлещик, сабля, пискар, ёрш, карась, хариуз, (харюз, харьгуз), жерех, язь, густёрка и изредка лох. В прочих реках: Дёме, Кармасане, Чермасане, Симу, Юрюзане и Уршаке и в озёрах сорт рыбы одинаковый, за исключением осетра, белуги, белой рыбы и стерляди, которых там нет.

В Стерлитамакском – в р. Белой: осётр, стерлядь, хариуз, лох и проч. как и в Уфимском; В рр. Зигане, Чишме, Инзере, Сигаче, Нугуше, Скимке, Кулгуле, Мендише, Уршаке, Аургазе, Узьяне, Ашкадаре, Стерле, Балыкле, Куганаке и Сухамле: щука, окунь, судак, сом, лещ, линь, налим, головль, жерех, язь, подуз, сорожка, ёрш и бакля. Рыбная ловля в Стерлитамакском уезде производится преимущественно в 2-х озёрах: «Большой Аккуль» и «Малый Аккуль», породы рыб в которых – те же, что и в реках, за исключением р. Белой.

В Белебеевском – в р. Дёме: щука, окунь, лещ, сорожка, головль, язь, подуз, ёрш и бакля. В рр. Ике, Сюне, Чермасане и озёрах Аслыкуле и Кандрыкуле порода рыб таже. В ключевых речках водится род форели, называемая пеструшка и кутема.

В Мензелинском – в рр. Каме и Белой: белуга, осётр, красная рыба¹, стерлядь, лещ, белая рыба, сом, судак и проч. мелкая рыба. В рр. Ике, Зае, Шешме, Мензеле, Ирке и Зыне: сом, щука, окунь, карась, лещ, линь, судак, язь, сорожка, головль, налим и проч. мелкая.

В Бирском – в рр. Белой, Каме и Уфе: стерлядь, осётр, белая

---

¹ Род лососины – *примечание Р.Г. Игнатъева.*

рыба, лещ, щука, карась, линь, налим, окунь, язь, головль, сорожка, судак, хариуз и лох. В рр. Таныпе, Бире, Буе, Гарейке, Киебаке, Медведке, Кельтее, Тыктеме, Калтасе, Берёзовке, Тюе и Сарсе: породы рыб теже, заисключением осетра, стерляди и белой рыбы.

В Златоустовском – в рр. Ае, Арше и Юрюзани: щука – красная и серая, язь, окунь, головль, жерех, подуз, налим, пискарь, хариуз, чебак, линь, елец, ёрш, карась и красуля.

Лов рыбы производится во все времена года, днём и ночью, при свете костров на берегу, способами издавними без всяких новых улучшений. Для лова употребляются на больших реках и озёрах: *сети, неводы, бредни, сажы, дели, вятели, частухи*, употребляемые только в мутную воду, *баботки*, употребляемые в меженную воду, *подольники* или глиняные снасти, *судочники, самоловы, подпуски, морды, летний яз, остроги или строги* железные. – На рр. Белой и Каме употребляется ещё для ловли сомов *клоченье*, при чём употребляется снасть, состоящая из 8 бичёвок, на которые навязывают сыромятный ремень, длиною 4 верш. с удой на нём – железной или проволоочной, а на уду надевается приманка и четверти на три от удочки навязывается кусок свинца или железа (*грузило*), весом $\frac{1}{4}$ ф. Плывя на лодке рыболов палкою в виде костыля производит клочения, а сам между тем, завидя глубокое место, опускает снасть или уду, на которую и попадают сомы. Зимую для рыболовства употребляется *яз зимний, заязок или бережник*.

По сведениям, собранным Д[ействительным] Членом Статистического Комитета Игнатъевым в 1869 г., рыболовством занималось, в качестве работников у арендаторов рыбных ловель, из местных жителей разных сословий русских и инородцев, и из пришедших с тою целью из Вятской и Самарской губерний: в Уфимском уезде, считая в том числе и городских рыболовов – 324, Бирском 420, Мензелинском 479, Стерлитамакском 240, Белебеевском 198, Златоустовском 84 чел.; иногородных рыболовов – Вятских и Самарских – в этом числе было 174 чел. – Рыба большею частию солится, для чего соль покупается на местных базарах, и потом рыба отправляется наиболее в Вятскую и Самарскую губернии, за тем только часть её распродаётся на местных базарах сонною, или же сушённою и вяленою, но в весьма незначительном количестве. Соль для рыбы употребляется Илецкая, которую солеторговцы скупают на месте в г. Илецке Оренбургской губернии, потом её раздробительно продают во вторые руки другим торговцам, а эти развозят её везде по базарам Уфимской и Оренбургской губерний. – Таким образом соль переходит в третьи и четвёртые руки. – Зимую Уфимская губер-

ния довольствуется привозною, Уральской и Сибирской, рыбой; главный привоз её на Мензелинскую ярмарку, отсюда эта рыба расходуется по другим зимним ярмаркам, как-то в Уфе и проч. местах. Местная рыба идёт в другие места; она отправляется самими арендаторами рыбных ловель; кроме того на самые места лова в Бирском и Мензелинском уездах приезжают для закупки рыбы тоже Вятские промышленники, называемые здесь *рыбосолами*, для скупа крупной рыбы, которую отправляют на маленьких судёнках в Вятскую губернию. – Поэтому в Уфимской губернии, на местных базарах рыба продаётся и в малом количестве и не дёшево, и чем ближе к зиме, тем дороже, покуда не появится привозной рыбы, которая зимой заменяет здешнюю; исключительных же главных рынков для сбыта местной рыбы нет; рыба обыкновенно везётся на ближайший от места ловли базар.

Цены на рыбу, смотря по успеху ловли, весной бывают, смотря по качеству рыбы и крупности её, следующие, например: лещ 3 и до 7 к., караси 3 и 6 к., судак 4 и 10 к., язь 3 и 5 к., щука 2 и 4 к., сорошка 1, 2½ и 3 к., сомина 4 и 6 к., стерлядь 15 и 20 к., пеструшка (в Белебеевском уезде) 2, 3 и 4 к., белуга 5 и 7 к., белая 10 и 15 к. и т. д. за фунт, к зиме же цена возвышается на 25 и бол. % против этих цен»¹.

Вторая статья Р.Г. Игнатьева в «памятной книжке» 1873 г. названа «Птицеводство»² и выполнена в соавторстве с В.С. Лосиевским. В разделе «Охота за зверьми и птицами» сказано, что «Уфимская губерния имеет много благоприятных для охоты условий: её привольные луга и степи дают пристанище прилётной дичи, её густые леса доставляют убежище многим зверям; редкая населённость многих мест губернии оставляет дичи и зверям много простора водворяться и размножаться. – В былые времена охота в Уфимской губернии производилась в больших размерах – башкирами и бывшими помещиками: первыми, как промысел и преимущественно на зверей, а последними – больше как забава производилась охота не на зверей, а на дичь – для домашней потребности. – В последствии времени у башкир по мере перехода их всё более и более в земледельческое состояние ... значительно уменьшается; бывшие же помещики, с освобождения крестьян, совершенно оставили охоту на зверя, особенно пресловутую в своё время ..., и ограничиваются одною охотою на дичь и то не в прежних размерах. – Что же касается крестьян

¹ Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картою губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Часть I-я. Уфа, 1873. С. 136–137.

² В оглавлении: «Птицеводство и охота за зверьми и птицами, Игнатьева и Лосиевского».

всех наименований, то между ними, как прежде, так и ныне, охота весьма мало была развита и несоставляет существенного занятия.

В лесах Уфим. губернии водятся: *медведи, волки, красные и белые лисицы*, очень много *зайцев*, встречаемых и в полях, *белки*, простые и изредка *летяги* с перепонками между передних и задних лапок на подобие летучей мыши, ...и, *суслики, олени, рыси, лоси, козули, выдры, горнастаи, куницы и сурки*; звери эти кроме медведей, волков, лисиц и белок заметно год от году уменьшаются. – Ловля зверей производится: капканами, разного рода ловушками, огнестрельным и холодным оружием; например: употребляют против медведей рогатину, нож и даже топор. Волков ловят железными капканами или ямами, глубиной 1½ саж. (слегка прикрытыми тонким хворостом закиданным снегом и землёй); сюда кладут для приманки палого поросёнка или какое либо другое животное и волк, чуя добычу, бежит к яме, и проваливается, а за тем его убивают. – Употребляются ещё и *садки*, устраиваемые в лесах из хвороста и кольев, вертикально вбиваемых в землю на расстоянии 2½ верш. одни от других; таким образом устраивают клетки с тяжёлою дверью, отворяемою во внутрь загородки; в клетке делается ещё другая, поменьше, куда сажают поросёнка, на крик которого волк вбегает в садок, толкая дверь, и таким образом сам себя запирает и, бегая кругом другой клетки, не может никак достать поросёнка; охотнику же остаётся без всякой опасности застрелить волка сквозь тын. Этот род ловли впрочем здесь редко употребляется.

Башкиры загонивают волка на лошадях, с собаками, убивая его железными цепями в роде молотил или же просто – нагайками... Зайцев и лисиц ловят капканами и тенетами, стреляют из ружей или охотятся за ними с собаками; у некоторых из прежних помещиков держались для этого целые стаи хороших охотничьих собак; нынче впрочем псовая охота у помещиков значительно упала против прежнего и постепенно изводится; впрочем охотничьих собак держат и некоторые из крестьян и инородцев.

На медведей, которых здесь 2 рода – бурый и жёлто-бурый, ходят более с ружьём, рогатиной и ножём и более партиями, чем в одиночку, за исключением весьма редких смельчаков; но ловят также капканами и тенетами, особенно зимой, ставя таковые на заячьей тропе, куда прежде всего попадает заяц и служит потом приманкой для медведя. Медведей иногда ловят и убивают у бортовых дерев, куда те приходят за мёдом; некоторые из пчеловодов ставят около ульев в корыте, для приманки медведя, вино, смешанное с мёдом, и выпив вино, медведь тут же засы-

пает на месте и его убивают.

Зверинные шкуры большею частью добываются башкирами-охотниками и продаются ими на месте. Впрочем в Уфимской губернии вообще немного добывается шкур и меха в обделке и сыром виде привозятся из Сибири, а в особенности в значительном числе закупаются на Мензелинской ярмарке, а также приобретаются здешними торговцами на Нижегородской ярмарке.

Дичью Уфимская губерния, по обилию ещё лесов и вод, в особенности богата; здесь водятся: *глухари*, серые и белые, *куропатки*, *рябчики*, *дупели*, *коростели*, *вальдшнепы*, *бекасы*, *перепела*, *кроншнепы*, *драхвы*, *стрепеты*, *журавли*, *дрозды*, *утки*, *гуси*, *лебеди*, *аисты* – чёрные и белые, *цапли* и *пеликаны* (бабы, довольно прочем редко). Для охоты употребляют огнестрельное оружие, *тенеты*, *штры* и *тынки*, которые делаются из тонких тычин в сажень длиной, снизу круглыми, а сверху переплетаются ветвями; на верху тынки укрепляется на вертене соломенное колесо, внизу же кладётся приманка. – Когда птица, завидя приманку садится на колесо, то колесо повертывается и сбрасывает птицу вниз. Тетеревов стреляют на присадах т. е. где они садятся утром и вечером, для чего делаются из прутьев шалаши и около них ставятся чучела. Впрочем этот род охоты теперь встречается реже.

На водяную птицу охотятся посредством огнестрельного оружия, при помощи лягавых собак; степные башкиры охотятся на дичь, пуская учёных беркутов, соколов и ястребов; этого рода птиц много в здешних лесах и башкиры ловят их наиболее молодыми и потом обучают охоте. – Обучение состоит в том, что птице кроме воды не дают пищи в течение нескольких дней, а потом охотник садит птицу на руку, по немногу давая мясо и насвистывая при этом и это продолжается до тех пор покуда птица освоится со свистом хозяина и по этому свисту будет ему садиться на руку; пред охотой птицу вымаривают, чтобы она охотнее бросалась на добычу. – Учёных соколов ястребов и беркутов продают на базарах за 10, 15, 20 и более рублей. Соколов и беркутов употребляют для ловли лебедей, диких гусей, уток и журавлей, а учёных ястребов для уток, куликов и перепелов. – Впрочем эта охота, составлявшая и в кочевое время башкир больше предмет потехи, чем промысла, в настоящее время встречается весьма редко.

Охота на дичь, хотя не как исключительный промысел, наиболее развита между русскими, башкирами и другими инородцами Уфимского, Бирского и Стерлитамакского уездов и к самой прибыльной охоте принадлежат *тетерева*, *рябчики*, *куропатки*, *утки* и *глухари*; прочие же исчисленные здесь породы

дичи, хотя и встречаются в изобилии, но охота на них не считается прибыльной. Дичь всякого рода распродается на месте и на ближних базарах, как например, – в Уфе, Бирске и Стерлитамаке. Здесь из первых рук дичь попадает к скупщикам и прасолам, которые её большею частью перепродают на месте, а иногда даже отправляют в Казань и дальше.

Число прилётной дичи в Уфимской губернии, как и в других губерниях, в последние годы, значительно стало уменьшаться, что отчасти приписывают увеличению пахотных пространств и уменьшению лесных, но настоящая существенная причина, как и везде, остаётся задачею¹.

Через пять лет уфимское земство в очередную памятную книжку включило раздел про охоту. Повторив почти дословно начало из вышеприведённого текста Р.Г. Игнатьева, составители книжки добавили: «Вследствие письма г. Тайного Советника Лазаревского относительно торговли дичью в Уфимской губернии, собраны были в 1876 г. надлежащие сведения в г. Уфе и по уездам губернии. Из этих сведений главным образом обращает на себя внимание оборот этой отрасли торговли в г. Уфе, куда свозится дичь, между прочим, и из уездов губернии. Свод этих сведений следующий.

1) Из Уфимской губернии вывозится огромное количество разной дичи, а именно: с ярмарок Мензелинской, Буздякской и Стерлитамакской, на которые свозится всего, большею частью из Сибири, более 500/т. пар разной дичи; сверх того вывозится ещё Сибирской белой куропатки до 5/т. пар; всего же провозится чрез Уфу более 900/т. пар разной дичи, и большую часть этого количества составляют тетерева.

2) Показанное количество дичи идёт в разные места, а именно: всего более в Москву, затем в Симбирск, Казань, Тамбов, а небольшое количество в некоторые другие места.

3) В Уфе для местного потребления продаётся: в зимнее время до 10/т. пар разной дичи, а именно: глухарь, рябчик, серая куропатка местная, вальдшнеп, тетерев и Сибирская белая куропатка; весной, летом и осенью – более 10/т. пар другого рода дичи; а именно: дупели, утки, куропатки и вяхери (дикие голуби).

4) Кроме тетеревов, в зимнее время вывозится: глухарь, рябчик, серая куропатка, вальдшнеп и белая сибирская куропатка.

5) В г. Уфе в зимнее время цена дичи следующая: за 100

---

¹ Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии. С. 141–143.

пар тетеревов от 40 до 60 р.; утки, дупеля, куропатки, рябчики и вальдшнепы – за 100 пар от 30 до 40 рублей, сибирская белая куропатка за 100 пар 30 руб.; глухарь 1 руб. за пару; летом и осенью – на 5 коп. с пары дешевле; в уезде от каждой сотни пар – на 5 руб. дешевле, а в летнюю пору в уездах дичь не покупается. Дичи привозят в Уфу из уездов башкиры, татары и крестьяне, которые этим занимаются; есть охотники и в самом городе, но очень немного». А верблюдов в Белебеевском уезде насчитали 299 голов¹.

В 1883 г. статистики Уфимской губернии последний раз вспомнили о дикой природе в своих трудах. В очередной справочной книжке они просто повторили предыдущий материал, добавив, что «в настоящее время цены эти приблизительно в 1½ раза выше»². В следующих изданиях 1889 и 1891 гг. про охоту не говорилось ничего. В «обзорах Уфимской губернии», приложениях к официальным ежегодным отчётам губернатора, которые отправлялись царю, охота и рыболовство, мир дикой природы вообще отсутствуют напрочь. Когда-то кормившие людей звероловство и рыбалка остались лишь как развлечение. Сходная ситуация была в соседней Оренбургской губернии. В 1888 г. сказано, что «промышленного звероловства в губернии нет; единичные охотники сбывают пушной товар на ярмарках: в дерев. Темясовой, Орского уезда, и в г. Челябинске. Сумма заработка их крайне незначительна, хотя бывают случаи, когда он временно повышается при случайном усилении спроса на тот или другой род меха, особенно при требовании его за границу, как то было с возвышением цен на горноста́й, доходивших до 40 коп. за штуку в обыкновенное время стоящую не дороже 25 коп. Число звероловов в сложности не многим превышает 100 человек, а сумма их заработков едва-ли доходит до 3200 руб.»³

В целом утилитарный подход к дикой природе, её животному миру, потерявшему всякое экономическое значение, привёл к почти полному отсутствию материалов о ней на страницах уфимских земских изданий. Даже во время сплошного статистического обследования Уфимской губернии в 1895–1897 гг. для диких зверей и птиц не нашлось ни единой строчки! Зато

---

¹ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / Сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. Уфа, б. г. Отдел II. Географическо-статистические сведения об Уфимской губернии. С. 70–73.

² Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа, 1868. Отдел III. С. 68.

³ Обзор Оренбургской губернии за 1888 год. Оренбург, б. г. С. 12.

эти данные позволяют увидеть последние следы пребывания верблюдов в Башкирии. Их ещё держали в Стерлитамакском уезде – 7 штук (возле Стерлитамака), в Белебеевском – 73 шт. (в долине Дёмы) и даже 10 верблюдов имелось в Мензелинском уезде. Пара паслась в самой южной Александро-Карамалинской волости, на границе с Самарской губернией, а восемь голов проживало в Мензелинской волости, возле самой уездной столицы Мензелинска. Верблюд в самом конце XIX в. использовался и в коммерческих целях, его держали в небольшом количестве помещики, а три верблюда имелись у каких-то немецких и эстонских колонистов. Подавляющее же большинство верблюжьего поголовья держали башкиры-вотчинники (52 шт. в Чукадытамакской волости Белебеевского уезда)¹.

Можно утверждать, что к концу XIX в. тема изучения природы (животного мира) окончательно «ушла» из массовой общедоступной литературы в специализированные издания для учёных, охотников и рыбаков-спортсменов. Лишь в популярных очерках и путевых записках (например, В. Немировича-Данченко²) находим информацию о состоянии природной среды того времени. В компилятивной популярной брошюре 1859 г. говорилось о степях между Уралом и Волгой (тогда Букеевская орда), что «обитатели этих пустынных степей суть дикие лошади, стада сайг, лисицы, волки, большие и маленькие зайцы – скакуны... Немало в степи, особенно в южной части её, тёмносерых волков, в рост охотничьей собаки. В густых камышах по озёрам и не многим степным рекам гнездится всегда множество уток, водяных кур, бекасов и другой озёрной и болотной птицы; ненапуганные выстрелами, они близёхонько подпускают к себе охотников; журавли, иногда целыми стаями в 20–30 штук, так и вьются под ногами и несутся вперёд так близко от скачущего всадника, что их легко можно бить плетью»³. В обобщающем исследовании Уральского казачьего войска Н. Бородин в самом конце XIX в. исключал «кабана и кулана, которых теперь совсем нет», тарпан, который «водился целыми стаями» в 1771–1801 гг. в пределах войска и ещё встречался в 1830-е гг. уже исчез, а ведь кабанов раньше отправляли из Уральского войска «к Высо-

---

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. IV. Белебеевский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1896 года. Уфа, 1898. С. 468, 469, 491, 494–495, 500–501; Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть I-я. Свод естественно-исторических и экономических данных. Уфа, 1901. С. 276–281.

² *Немирович-Данченко Вас.* Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890.

³ Очерки Зауральской степи и внутренней или Букеевской орды. С. 81–82.

чайшему двору вместе с рыбою, икрою и калмычатами. Местные кабаны достигали громадных размеров (до 20 пудов веса). Зато сайгак, покинувший Урал в 1830-е г., в 1850-е гг. изредка отдельные особи приходили на водопой, в последнее время размножился, сайгаки стали переправляться через Урал «и в низовых станицах они встречаются громадными стадами»¹.

По заданию отдела народного образования Оренбургского земства в 1916 г. учебное пособие выпустил Д.Н. Соколов. Его свидетельства показывают ситуацию с распространением млекопитающих уже в начале XX в. Например, бурый медведь, «общеизвестное животное живёт в лесах и лесистых горах, вместе с полосой сплошного леса немного не доходя до параллели 52°... Барсук живёт преимущественно в чернолесье, около опушек, но распространён и в степи, где я сам наблюдал его недалеко от р. Илека». Росомаха водится «в глухих лесах и, как я слышал, есть в верховьях Белой». Куница «распространена во всей лесной полосе, в том числе и по хребту Наказ до самого южного края». Пропустим хорька, горностаю, ласку, выдру. «В полосе, пограничной с Самарскою губернией, водятся так называемые "чёрные волки", более похожие на собак, чем на волков. Случаев нападения волков на людей у нас неизвестно... Рысь живёт в густых лесах гор Урала и на юг не спускается ниже границы хвойного леса». Лось, по народному «сохатый», был «распространён во всей лесистой области, иногда перебегает и в островные леса, за что часто платится жизнью. Убиение самки лося наказывается по закону штрафом в 500 рубл. Олень меньше и стройнее лося; он водится преимущественно в хвойном лесу и реже заходит в полосу чернолесья. Указаны были единичные случаи, что кроме обычного у нас северного оленя [sic! – М.Р.] встречается и олень благородный, который отличается несколько большим ростом и более округлёнными концами рогов. Косуля, которую неправильно называют дикою козю... живёт во всей лесной области, но становится всё реже».

Автор (Д.Н. Соколов) специально выделил и уже истреблённых в Оренбургской губернии (территория современных Оренбургской, Челябинской и части Курганской областей, юго-восток Башкортостана) недавно обычных животных. «Бобёр, уцелевший на северном Урале, водился и у нас, его во всей Башкирии было ещё много в середине XVIII века и его мех башкиры в значительном количестве продавали средне-азиатским купцам на

---

¹ Бородин Н. Уральское казачье войско. Т. I. Уральск, 1891. С. 121–122. О птицах см.: Зарудный Н.А. Орнитологическая фауна Оренбургского края. СПб., 1888.

Оренбургском Меновом Дворе.

Дикая лошадь или тарпан жил в верховьях рр. Бузулука и Самары во второй половине XVIII века. Кабаны в середине XIX века заходили до рр. Сакмары и Ика. Название р. Донгуз (*донгуз* значит, "кабан") в за-Уральской части Оренбургского уезда объясняли как указание на северный предел распространения кабана. Есть признаки, что по этой реке была лесная урёма с камышёвыми зарослями»¹. Кабаны, которых возами забивали возле степных озёр, за одно столетие превратились в исчезнувший вид. Кстати, в ряды вымерших животных автор включил мамонта, две породы быков и оленя.

В новейшую эпоху, с XX в. история и биология существуют изолированно друг от друга, пересекаясь только в археологии и палеонтологии. Использование «обычных», письменных исторических источников в трудах по истории флоры и фауны является скорее исключением, но именно в XX в. «традиционная» историческая наука вводит в оборот новые пласты источников, которые могут быть весьма интересны и для биологических наук. Развитие истории, возникновение профессионального сообщества историков, заменивших краеведов-любителей (не полностью), формирование общегосударственной системы архивохранилищ привело к публикации ранее практически недоступных провинциальным исследователям документов по более древним эпохам.

С 1936 г. усилиями историков из Ленинграда и Москвы (А.П. Чулошников, Н.Ф. Демидова) началось издание фундаментальной серии исторических документов под названием «Материалы по истории Башкирской АССР»². По ним можно составить определённый статистический ряд, например, в вопросе об уплате башкирами ясака. За XVII в. есть единственное упоминание, что северные башкиры вносили ясак соболями в Верхотурье: «с Ышынбаевы сотни с товарищи да с Чюсовской волости имали ясаку по нашей грамоте по окладу по 2 сорока соболей да по 3 сорока куниц» (1663 г.), хотя сохранилось пять упоминаний об уплате ясака одной куницей, однажды – лисицами. Любопытно, что уже в 1694 г. башкиры, главные звероловы Южного Урала, жаловались на демоэкологический кризис, наплыв пришлого населения (русских, татар, чувашей) «и от того их многолюдства в вотчинах их всякой зверь: лось и медведи, лисицы, и куницы, и белки отошли, и бобровыя вяжи запустели, и им зверя бить, и рыбу ловить... стало им негде». В другом документе за 1695–

¹ Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. М., 1916. С. 62–66, 69–70.

² См.: Абсалямов Ю.М. «Материалы по истории Башкортостана» // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 4. А–О. Уфа, 2008. С. 138.

1696 г. находим свидетельство состояния лесов в районе будущего Челябинска: «а от речки Карабалки мимо башкирские жилища и Маян озеро дубровными местами до Белоярской слободы, что на Тече»¹. А в материалах о башкирских восстаниях встречаем наших любимых верблюдов. В 1737 г. мятежники «напали на обоз, кой шёл на Уфу ис Табынска, и отбили 20 лошадей, 6 верблюдов». В 1740 г. в районе Верхояицкой крепости (затем Верхнеуральск) у башкир «отбито: верблюдов 39», восемь голов раздали неимущим казакам в счёт жалованья². По южной Башкирии за 1660-е гг. есть упоминания об уплате ясака куницами (юрматынцы) и лисицами (бурзяне)³.

По началу XVIII в. (с 1702 г.) сохранились более массовые свидетельства об уплате пушного ясака башкирами в казну (без мёда и пр., во многих случаях форма выплат не конкретизировалась). Всего мною выявлено 48 упоминаний об этом по северной, западной и центральной Башкирии (Казанская, Сибирская, Ногайская дороги). Из них всего в трёх случаях из западной Башкирии встречаем плату куницей и медвежьими шкурами: «а ясак кунной и медвеной платить» (1715 г.), «в кунной и в медвеной ясак» (1718 г.). Во всех остальных случаях в документах указывается исключительно одна куница: «а с тое вотчины платить в казну великого государя им, Наурузу с товарищи, с мною, Каспулатом, по шти куниц повсягодно да по анцырю мёду»⁴. Это позволяет предполагать не только спрос на наиболее качественный среди южноуральских пушных зверей куничий мех со стороны государства, но и свидетельствует о широком распространении этого хищника.

Вообще упоминание об охотничьих и рыболовных угодьях было массовым (рядовым) явлением при оформлении прав на землю (продажа, отдача в аренду – оброк, передача угодий в промысловое краткосрочное пользование): «рыбу ловить и всякого текучего зверя побивать». Это право либо сохранялось за прежними владельцами башкирами-вотчинниками (вместе с использованием бортовых деревьев), либо передавалось покупателям и арендаторам. Широкое, массовое употребление подобных

---

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. Чулошников. М.; Л., 1936. С. 70–72, 76–77, 79, 82, 86.

² Там же. С. 335, 460.

³ Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С. 106–107.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. Н.Ф. Демидова. М.; Л., 1949. С. 142, 173, 176 и др. (подсчитано мною по с. 16–280 и пр.).

юридических формулировок свидетельствует о значительной роли охоты в жизни башкир первой половины XVIII в. Но в подавляющем большинстве случаев в актах присутствует абстрактное упоминание «звериных ловель», лишь бобры (бобровые гоны) выделяются отдельно. И это тоже чрезвычайно распространённое явление: «и бобров побивать», что свидетельствует о широком бытовании данного грызуна, массовой охоте на него и ценности его шкуры, что требовало отдельной оговорки при составлении документа.

Абстрактность формулировок не позволяет воссоздать картину распространения видов по Южному Уралу. Находим лишь единичные упоминания о конкретных представителях дикой фауны: «а до звериных ловель дела ж нет, oprичь горностаей и рыса ловить» (1706 г., р. Белая ниже Уфы), «в тех озёрах... рыбу ловить сетями и ветелями, и на Уфе реке с острогою ездить, и с крыгою сидеть, и перевесом уток, гусей ловить» (1706 г., Зауралье, оз. Аргазы), «и всякого зверя и бобров ловили по себе, и пускали иных людей с стороны ловить лисицу и куницу и белки и хмель щипать из оброку» (1707 г., верховья р. Ик, западная Башкирия), «рябчиков ловить» (1709 г., Кама возле с. Каракулино), «а кто из нас убьёт лося, и то лосиное мяся отдавать тому, кто убьёт, а ласиную кожу делить вопче» (1713 г., северо-восток Башкирии), «и в речках и бобры и выдры драть» (1716 г., р. Усень, западная Башкирия) и др.¹ Изредка сведения о дикой природе находим в записках властей. В 1725–1726 г. кунгурский бургомистр Юхнев, обозревая Башкирию, сообщал: «Скота довольно, а имянно: верблюдов, лошадей, коров, овец, а звери – корсак, лисиц, белок, куниц, горностаей, бобров, выдров, лосей, коз диких много». Бригадир П.Д. Аксаков, управлявший краем, в 1730-е гг. добавлял про башкир: «А нажива их лутчая или промысел во пчёлах, хмелю и ловле зверей, лисиц, волков и бобров»².

В середине XVIII в. подробные описания охотничьих угодий встречаем только по северной Башкирии. «И во оной нашей вотчине ему, Евсею, всякого зверя ловить, яко то лося гонять, оленье стаи разбивать, и выдры и норки бить, и куницу и белок гонять, и рыбу в речке ловить, и на Каменном броду ездки городить, и внутри лесов всякие птицы ловить» (1753 г., по р. Боше, граница Башкирии и Пермской области), «всякого зверя ловить, яко то лосей гонять, и оленье стаи разбивать, и выдру и норки бить, и куницу и белки гонять» (1753 г., по речке Большой Бизь, Прикамье). Однако, сделки заключались в селе Каракулино и,

---

¹ Там же. С. 24, 29, 39, 49, 106, 145 и др.

² Там же. С. 486, 527.

возможно, мы имеем дело со стандартными формулировками, принятыми в местном делопроизводстве, а не с реальной ситуацией в дикой среде. В ряде актов встречаем одинаковые фразы: «зверей выдры, норки, лисицы гонять» (1757 г., западная Башкирия)¹.

Интересную трансформацию обнаруживаем в конце XVIII в., что может свидетельствовать о резком сокращении промысловых запасов в крае. Конкретизация охотничьих угодий по-прежнему редка, но владельцы стали требовать с арендаторов делиться «пополам» возможной добычей. Если припущенники-арендаторы «ходящих лисиц, куниц, выдр, бобров, когда будут ловить», то должны половину отдавать башкирам-вотчинникам, «а горнастолей и норок ловить им, припущенникам» (1780 г., окрестности р. Уршак, центральная Башкирия), «а естли лосей и рысей изловят и дупленицы найдут, то с нами, вотченниками, делить пополам, а бобров вовсе не побивать» (1780 г., северная Башкирия, рр. Бизь, Уса и др.) и т. д. Кроме того, детализация охотничьих угодий как-бы смещается к югу, в долину речки Уршак, в лесостепную часть Башкирии: «и во оных межах бобров, выдер, медведей, волков, лисиц, куниц, зайцев и всякого зверя ловить» (1783 г.), «лисиц, выдр и бобров ловить» (1785 г.)². К сожалению, наиболее сохранились документы с территорий примыкавших к городам и слободам, где находилась гражданская администрация (Уфа, Каракулино и др.), обильные дичью восточные и южные районы Южного Урала представлены в исторических источниках слабее.

Таким образом, данное предварительное и поверхностное изучение природы (животного мира) Южного Урала по историческим источникам XIX–XX вв. приводит к трём выводам. Первое, необходимо специальное исследование специалистом-биологом всех письменных и не затронутых в этой статье архивных исторических источников, особенно по XVIII – первой половине XIX вв., когда научное изучение дикой фауны в России ещё только начиналось. Например, в начале XIX в. во время проведения Генерального межевания (определения точных границ земельных владений) по всему Южному Уралу были собраны в том числе сведения о природной среде. Так, в Троицком уезде возле башкирской деревни Абдрашитово на реке Ай (северо-восток Башкирии) отмечалось, что «в реке Аю ловится рыба – белая, стерледи, сомы, лещи, язи, судаки, головли и ерши. В речках –

---

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 67, 72, 146 и др.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 107, 114, 147, 176 и др.

харьузы и пискари. В озёрах – щуки, окуни и караси». А возле русского села Дуван растёт строевой лес («сосновой, еловой, липовой и пихтовой») и дровяной («берёзовой, липовой, осиновой, ольховой, дубовой, черёмуховой, ореховой и вязовой»). «В нём звери – медведи, волки, лисицы, куницы, дикие козы, горностаи и зайцы. Птицы соколы, кречеты, тетерева, рябчики, соловьи, дрозды, чижи и прочих родов. При озёрах – лебеди, дикие гуси, утки, кулики. В полях – жаворонки, перепела и журавли»¹.

Во вторых, обращает внимание скорость деградации (гибели) животного мира и растительности под антропогенным влиянием. Буквально на глазах одного – двух поколений природная среда Южного Урала, особенно её степных и лесостепных районов, кардинально изменилась. Обращает внимание приведённый выше материал из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона о реке Иргиз, где в общероссийском издании говорится о ЕДИНСТВЕННОМ большом дереве, уцелевшем от некогда бывших там лесных массивов. И третье. Попытка реконструкции облика животного мира Южного Урала на несколько столетий назад заставляет особое внимание обратить на проблему достоверности и критики источников. Выбранные в качестве образца два исчезнувших биологических вида – дикий тигр и домашний верблюд – показывают сложный характер формирования источниковой базы исследования. Тигр, обычный персонаж башкирского фольклора, затем исчезает из исторических документов. После присоединения Башкирии к Русскому государству южные, пограничные со степью её районы оказались в составе Ногайской дороги, самой удалённой и «бунташной» части края, где зарождались практически все мятежи, военная элита местных башкирских племён успешно отразила угрозы ногаев, калмыков и киргиз-кайсаков, а затем неоднократно бросала вызов и центральной власти. Русская местная (уфимская) администрация старалась не слишком вмешиваться в дела буйной южной окраины и, соответственно, «документооборот» был меньшим и в меньшей степени материалы по югу Башкирии отложились в архивах и публикациях. Лишь после основания Оренбурга, возведения пограничной линии и притока русских с середины XVIII в. начинается активное «документирование» местной обстановки и в 1762 г. выдающийся знаток Оренбуржья П.И. Рычков просто (запросто) включает бобра в список здешних животных. Но именно с этого периода начинается активное хо-

---

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1355. Д. 940. Л. 166, 173. автор благодарит Ю.М. Абсалямова за предоставленные эти сведения.

зайтвенное освоение степной части Оренбургской губернии и прилегающих киргиз-кайсацких степей. Отметим, что русские, в отличие от башкир и киргизов, не евших свинину и являвшихся конкурентами с бабрами за пищевую среду, массаи били кабанов в степных камышовых полях. А следом пришло огнестрельное (а потом и нарезное) оружие...

Из старины Благовещенского завода
(Доклад секции «изучения местного края»
Уф. сем.-педаг. о-ва).

Село Благовещенский завод расположено на правом нагорном берегу р. Белой по скалам двух больших увалов и образуемой ими ложбины, по которой протекает речка Потеха, впадающая в р. Белую. Почва здесь преимущественно чернозёмная, подпочва – суглинистая и супесчаная с известковым грунтом. Многие отроги увалов состоят из алебастра и известняка и обрываясь над р. Белой, как бы напoмин. своей *белизной* – отчего произошло название реки. Некоторые холмы – сплошные массы крупнозернистого гравия и *шлифованных* камней разных горных пород, свидетельствующих об эпохе движения ледников и грандиозном многовековом разрушении высот Урала. С холмов открывается великолепный вид: огромная продолговатая с севера на юг долина с заливными лугами и урёмами, прорезанная широкой рекой и окружённая могучими увалами, по которым там и сям в синеве лесов пестреют поля и сёла и в разстоянии *сорока* вёрст ясно виднеется г. Уфа. – Прекрасный уголок «богатого Оренбургского края», воспетого Аксаковым! Но прежде он был ещё лучше и привольнее. Роскошные леса состояли из следующих 23 древес пород: липа, дуб, клён, вяз, ильм, ветла, сокорь (тополь), осина, таль (верба), ольха, берёза, рябина, крушина, черёмуха; полу и кустарники: калина, бузина, боярышник, бересклет, шиповник, смородник, вишeвник, бобовник и жимолость. Из ягодных трав клубника, земляника, малина, костеника, брусника, черника, клюква, и сама царь-ягода – княженика; съедобные травы: дигель, шкерда, медуница, дикий лук, дикая редька, пастушёк, ужевник, барчевка, и свирбига; пряные травы: мята, душица, тмин, анис. Многие из перечисленных растений исчезли совершенно. Но лет 50–70 назад благовещенцы пользовались ими полностью. Ягод насушивалось на целую зиму вдоволь. Из них готовились пироги, кисели и пастилы (варений не знали), в особенном почёте были калиновый кисель и «черёмуха – в усле». Из зверей водились: медведи, которых ежегодно

убивалось от 20 до 40 шт., затем зайцы, лисы, волки, рыси, барсуки, белки, хорьки, горностаи, выдры и даже будто-бы соболи, олени и бобры. Из пернатой дичи – утки: кряк, шилохвостень, кархаль, нырок и проч. виды, гуси, лебеди, казарки, аисты, цапли, журавли, кулики, ягибабы (пеликаны), рябчики, тетерева, глухари, куропатки и перепёлки. Много было пчёл диких и культивированных: по сведениям конторы Дашковых, им крестьяне платили за аренду пчельников с 14 000 ульев. Многочисленные озёра и речки кишели рыбой, плодотворная почва, благоприятный климат, – толи была не благодать! Немудрено поэтому, что здесь с незапамятных времён возникали поселения и за обладание местностью шла постоянная борьба.

Благов. завод был основан в 1757 году (154 г. назад) сначала им владели некие (кажется купцы) Мясниковы, затем помещики Полторацкие и потом Пашковы, от которых он с десятками тысяч десятин окрестной земли был получен Дмитрием Васильевичем Дашковым в приданое за своей женой Елизаветой Васильевной, урождённой Пашковой. А их дети Дмитрий и Андрей Дашковы, недавно умершие, владели имением до нашего времени. Население завода состояло из крепостных крестьян, «пригнанных» из Московской и потом добавленных из Рязанской и, кажется Симбирской губернии. Московский «говор» благовещенцев до сих пор изобличает их происхождение и является почти единственным на сотни вёрст вокруг и в нём-же ясно слышится значительная примесь рязанского наречия с резким произношением «а» и «я» вместо «о» и «е», например: чаво, пашёл, пясок, вядро и т. д. Завод сначала назывался Потехинским по р. Потехе (по-башкирски Ушкала), на которой он стоит и, которая образует три пруда. До его основания на бутристом берегу р. Потехи (где теперь кладбище) стоял укреплённый городок какого-то мурзы (князька) Капчика. Камни развалин были постепенно растасканы благовещенцами на свои хозяйственные надобности, но рвы и валы крепостцы заметны и теперь. На существование городка указывает и башкирское название реки Потехи – Ушкала, что значит «пустой городок». Местность эта прежде называлась «Князевым полем», а расположенная около него часть села и до сих пор именуется искажённым башкирским словом «Инзой» (индзе – жемчуг), жители же её за нелюдимый и свирепый прежде нрав обзываются «мурзинцами» и «капчиками». По другим версиям не мурза, а самый городок или место называлось «Капчиком» (мешком) и в связи со словом «Инзя» (жемчуг) означало – «мешок жемчуга». По преданиям «Мешок жемчуга» был разрушен какими-то пришельцами, основавшими здесь своё поселение. Кто они были, – неизвестно, может быть одною из

шаек, подобных шайке Ермака или отрядам русских войск, основывавших в крае крепостцы «засеки» и «остроги», около которых селились русские колонисты. Те-же предания намекают, что башкирская дер. Турбаслы (в 18 вер. от завода) – самое древнее местное селение и что турбаслинцы каждую осень, как только замерзала р. Белая, отправлялись по ней на лыжах в Казань с ясаком т. е. данью. Русским-ли они носили дань или ещё татарам (до падения Казани) – неизвестно, но только против завода «ясашников» грабили, поэтому они может быть и придумали отговариваться «данью», хотя она в виде звериных шкурок могла быть просто их товаром, который они носили сбывать куданибудь в Бирск или Мензелинск. Судя по названиям местностей аборигенами завода были башкиры, каким-то образом обрусевшие и смешавшиеся с благовещенцами, ибо от них только последние могли перенять вышеприведённые отрывки преданий. Да и кроме того, некоторые фамилии благовещенцев башкирского происхождения, например: Киняшев (киняш – совет), Инякин (инякей – маменька), но есть и иные: Качкаев (от черемисского «качкай» – ешь), Асеев (от чувашского «асей» – вроде: эй, эй, стой!). Частенько и изстари также встречаются у благовещенцев типичные монгольские физиономии, являющиеся стало-быть следствием атавизма. Невдалеке от «Князева поля» не особенно давно рабочие срывали для дороги откос холма и находили человеческие скелеты, из чего заключили о бывшем тут некогда «мурзинском» кладбище, но возможно, что находка была чем либо ценным и может быть даже ценным в археологическом отношении. Верстах в пяти от завода на берегу р. Белой есть невысокая гора – Караабызовская (по башкирски кара – чёрный, абызей – дядя). На горе было обиталище шайки Чёрного Дяди. С трёх сторон гора крутообрывиста, а с четвёртой до сих пор виден глубокий ров, через который, старики говорят, был перекинут мост, гнилые остатки которого, прежде ещё были заметны.

Около Караабызовской горы под живописными утёсами известняка и алебаstra есть пещера, называемая «погребком» а в ней – озеро. Прежде (может быть и теперь) оно по зимам будто бы не замерзало, а летом – наоборот, так что мужики приезжая на покос, накалывали из озера льду, отчего и называли пещеру «погребком». Пещера не исследована, но говорят, что далеко продолжается за находящимся в ней озером. К югу от «погребка» над растилающимся по лугам Караабызовским озером на горах приютился маленький посёлок «Городок» и здесь и в «погребке» тоже гнездились разбойники. И все эти места изрыты кладоискателями... но находили-ли они тут какие либо разбойничьи клады, – неизвестно. На севере от завода в 3–4 вер. над р. Белой

высится группа Чердынских гор, около них впадает в р. Белую р. Семёновка, а на ней село Семёновка, оба названия дали по имени древле спасавшегося тут старца Семеона, но и здесь тоже жили разбойники, зарывшие клады «на счастливого о ста головах».

Против завода на забельских лугах по дороге в дер. Кашиванову, (которая кстати сказать вся состоит из потомств. дворян) ещё недавно виднелся кольцеобразный фундамент какого-то здания. И тут то-же жили разбойники. Вообще их около завода было много, так что благовещенцы прежде ездили в г. Уфу не иначе, как партиями в 20–30 человек. Из разбойников особенно славился какой-то Апока (говорят он был из черемис) о подвигах которого, сохранилось не мало рассказов. Однажды он остановил ехавшего с мукой мужика и заставил его вымочиться совсем с одеждой в воде, а затем высыпать из мешка муку и вывалиться в неё, за что наградил потерпевшего десятью рублями. В другой раз он напал на проезжавшую бабу, но она не растерялась и бросила ему в глаза горсть дорожной пыли, а пока он «протирает зенки», её и след простыл. Наконец на Апоку устроили облаву. Он заперся в лесной избёнке, но у неё разобрали крышу и один мужик бросил сверху топором в разбойника и «развалил» ему череп.

Прошли «привольные» времена: сильно поредели дремучие урёмы, повыводились ягоды, повывелась дичь и зверьё, обезрыбила и обмелела красавица Белая. Но зато не стало и разбойников и «непроезжалых» дорог. Бороздят Белую быстрые пароходы, нивами и сёлами покрылись её берега. И на месте чахлого «Мешка жемчугов» раскинулся тысячью домов среди садов и огородов Благовещенский завод с церквами, семинарией, прогимназией, школами, библиотекой, торговыми и промышленными заведениями и даже кооперациями. И не шайки удалцов разъезжаются отсюда во все стороны, а искатели мирных занятий: ремесленники, конторщики, писаря, учителя, землемеры, техники и т. д., это дети бывших «крепостных» мужиков, то здесь, то на стороне обучившиеся своему делу. Всему своё время... Но робкие предания, да бледные памятники дикой старины, сливаясь на лоне красивой и всё ещё богатой местности с культурной и звучной современностью, составляют с ней как-бы одно нечто цельно-живое, интересное и поучительное, что невольно привлекает внимание спокойного исследователя и вдохновенного бытописателя и ждёт ещё их научных и поэтических трудов.

Н. Ч.

(Уфимский край. 1912. 13 июля)

(опубликовано: Историко-краеведческие исследования на Южном

Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М. И. Роднов. Уфа, 2014.
С. 163–167; см. на сайте «Роднов и его друзья»)